

Михаил Волконский

Жанна де Ламот

«Public Domain»

Волконский М. Н.

Жанна де Ламот / М. Н. Волконский — «Public Domain»,

В основе произведений одного из самых известных беллетристов начала XX века князя Михаила Николаевича Волконского – «неофициальная история» XVIII столетия, сплетающаяся из множества скандальных историй, дворцовых тайн, приключений и мистики. Интриги, власть, коварство, любовь и деньги – неизменные составляющие его авантюрно-приключенческих романов «Темные силы» и «Жанна де Ламот».

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III Аукцион	11
Глава IV	14
Глава V	17
Глава VI	20
Глава VII Месье Орест опять «нездоров»	24
Глава VIII	27
Глава IX	30
Глава X	32
Глава XI	33
Глава XII	36
Глава XIII	37
Глава XIV	39
Глава XV	42
Глава XVI	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Волконский

Жанна де Ламот

Глава I

Семь цветов радуги

Летом 1808 года России приходилось воевать на два фронта: на севере со Швецией и на юге – с Турцией, но Петербург, несмотря на то, что стал почти театром северо-восточных действий, которые были очень близки к нему, продолжал жить своей обыкновенной столичной жизнью, даже мало отличавшейся от зимней, потому что двор не выезжал на дачу...

Государь император Александр I жил на Елагином острове в летнем маленьком дворце, бывшем доме масона Елагина, где, как говорили, сохранилось все, что касалось масонства.

Наиболее богатые из общества разместились на островах – на Каменном и на Крестовском, в особенности, те, кто имел тут свои дачи, и на Черной речке, считавшейся тогда самым аристократическим летним местопребыванием.

Здесь деревянные дома были построены на манер каменных, в так называемом «итальянском вкусе», окружены цветниками и подстриженными деревьями, а в прозрачные тогда воды Черной речки гляделись сентиментально-поэтические плакучие березы, спускавшие свои ветки над гранитными урнами, статуями и плитами с таинственно загадочными надписями.

Такова тогда была мода.

В средних числах июня к одному из таких домов на Черной речке подъехала карета и из нее вышел господин в летнем полосатом фраке – наиболее употребительной тогда одежде – с высоким жабо и в круглой шляпе с большими полями.

Он поднялся по ступенькам крыльца твердой, уверенной походкой и, когда, завидев его, выбежали два лакея в ливерях и в пудре, спросил у них:

– Аркадий Ипполитович Соломбин дома?

Лакеи удивленно оглядывали господина как совершенно незнакомого и с первого взгляда не внушавшего особенного доверия.

В самом деле, хотя его костюм и легкая английская карета были безукоризненны, тем страннее казались на таком господине огромные синие очки, целиком, почти с бровями закрывавшие его глаза, и, главное, неприятно поражали пряди жестких рыжих волос, ниспадавших из-под полей его шляпы.

Такой щеголь, каким был господин, приехавший в английской карете, должен был по тогдашней моде, во-первых, коротко стричь свои волосы, а во-вторых, носить никак не синие очки, а изящную золотую лорнетку...

Лакеи замялись, но все-таки старший из них спросил заинтриговавшего их приезжего:

– Как прикажете доложить?

– Доложи: Иван Михайлович Люсли, – приказал господин.

Лакей, видимо, никогда не слыхавший такой фамилии, снова выказал сомнение.

Тогда господин, называвший себя Иваном Михайловичем Люсли, достал бумажник, вынул оттуда визитную карточку, дал ее лакею и велел отнести.

Эта визитная карточка оказалась не совсем обыкновенной, она была отпечатана фиолетовой краской и в углу ее стояли буквы: «В.П.О.»

Лакей, отправившийся докладывать с карточкой, вернулся так быстро, как только мог, и кинулся к гостю с такой предупредительностью, что сразу было видно, что хозяин просить велел.

Не успел господин Люсли снять свою шляпу, как навстречу ему показался Аркадий Ипполитович Соломбин, человек весьма привлекательной наружности с мягкими, красивыми манерами.

– Милости прошу, добро пожаловать, – заметил он на великолепном французском языке, на котором не только говорили, но и думали в аристократическом русском обществе тогда. И он с поспешностью повел приезжего, показывая ему дорогу:

– Сюда, сюда, пойдете ко мне в кабинет, – пригласил он, растворяя дверь.

Люсли следовал за ним, не меняя выражения лица, казавшегося совсем неподвижным благодаря огромным своим очкам.

Они вошли в кабинет.

Соломбин учтиво усадил своего гостя в кресло и стал приглядываться к нему, как будто видел его в первый раз.

Так оно и было на самом деле. Соломбин видел Ивана Михайловича Люсли впервые в своей жизни, но должен был встретить его и принять как знакомого и даже желанного гостя по его лиловой визитной карточке и по стоявшим на ней буквам «В.П.О.».

Люсли сел, подождал, пока сядет Соломбин, и тогда начал разговор – довольно странный и совершенно непонятный для человека, не посвященного в тайну, по-видимому, известную только им обоим.

Но они-то отлично понимали друг друга!..

– Вы знаете, что красный цвет весьма близок к фиолетовому, – сказал Люсли и взялся за борт своего фрака.

– Красный, смешанный с синим, дает фиолетовый, – спокойно ответил Соломбин, улыбнулся и, как будто случайно, три раза закрыл и открыл правый глаз.

– Синий тут ни при чем, – возразил Люсли, – я говорю про красный, – вынул из кармана лиловую кокарду и нацепил ее себе в петлицу.

Тогда Соломбин встал и надавил какую-то пружинку, достал маленький ящик из бюро, достал оттуда кокарду красного цвета и тоже надел на себя.

– Я вижу, что вы именно тот, к которому у меня дело, – успокоительно произнес Люсли.

– Я не показал бы вам этого, если бы не убедился, что вы в самом деле тот, который может иметь ко мне дело, – заметил Соломбин.

Рыжий Люсли наклонил голову.

– Вы являетесь одним из семи цветов радуги – Красным.

– А вы – Фиолетовым...

– Совершенно верно. Остаются еще пять...

– Пять, но на самом деле четыре...

– И это верно. Мне известно, что прежний Желтый «выцвел», как принято выражаться между нами. Но я должен успокоить вас: взамен прежнего найден новый Желтый в Петербурге...

Соломбин пожал плечами, как будто хотел сказать, что это вовсе не касается его.

– Остальные четыре, – продолжал Люсли, – поручаются вам. Я приехал к вам с просьбой, чтобы вы известили Синего, Оранжевого, Голубого и Зеленого, что мы должны собраться в четверг в восемь вечера.

Соломбин ничего не возразил, только спросил:

– Где?

Люсли дал ему подробный адрес.

Глава II Желтый

– Однако, – сказал Соломбин, – все мы, насколько мне известно, должны собираться не иначе, как под председательством того, кто объединяет нас всех, то есть все семь цветов, в один – то есть Белый, – пояснил он Люсли.

– Ну да, Белый, – утвердительно кивнул головой Люсли и промолвил:

– В четверг у нас будет председательствовать новый Белый, присланный нам из Парижа. Соломбин встрепенулся.

– Новый Белый? – переспросил он.

– Ну да.

– Присланный из Парижа?

– Да.

– Значит, иностранец?

– Не знаю.

– Наверное, иностранец. Во всяком случае, если он прислан нам из Парижа, то уж не может быть из тех, которые действовали здесь прежде. Я не знаю, насколько это хорошо для нашего дела! По-моему, надо выбирать в качестве руководителя известное в стране лицо, обжившееся там и знакомое с бытом и нравами. Что может сделать тут присланный из Парижа, не только не знакомый, может быть, с Петербургом, но и о России-то ничего не знающий и воображающий, что у нас по улицам бродят белые медведи?.. Я об этом посылал в Париж две мемории... Вы были в Париже?

– Я только что оттуда.

– Не слышали ничего, как там смотрят на меня?

– Нет, не слыхал, да и вообще не желаю и не считаю себя вправе, вступать в какие-нибудь обсуждения по этому поводу, – коротко и сухо проговорил Люсли. – Мне поручено передать вам о том, что вы должны сообщить о собрании Синему, Голубому, Оранжевому и Зеленому, да и сами приехать. А если вы хотите что-нибудь сообщить об общем деле – сделайте это на собрании...

И с этими словами Иван Михайлович Люсли встал и, поклонившись, направился к двери.

Соломбин не настаивал на продолжении разговора и проводил гостя до самой прихожей.

Люсли сел в карету, посмотрел на часы и велел ехать на Гороховую.

С Черной речки путь на Гороховую был неблизкий, но отличные лошади бежали быстро, и Люсли, сидя в карете, не выказывал признаков нетерпения.

Напротив, покачиваясь на мягких рессорах дорогого экипажа, он смотрел в окно по сторонам с нескрываемой, почему-то торжествующей улыбкой, и ехал по улицам Петербурга с видом победителя.

Петербург того времени, то есть самого начала прошлого века, девятнадцатого по счету, не представлял собой еще громады камня и железа, каким он является теперь, а потому не был летом столь душен и тяжел.

Сад, давно уже вырубленный и теперь застроенный, свежим дыханием радовал людей, масса зелени позволяла глубоко дышать, а воды Мойки, Фонтанки и каналов не были столь загрязнены и казались прозрачными; вдоль всего Невского проспекта тянулись два ряда деревьев, зеленевших и превращавших тротуары в бульвары...

На Гороховой дома тоже перемежались с заборами, из-за которых свешивались ветки, но все-таки улица была пыльная и грязная.

Карета Люсли остановилась у двухэтажного дома, низ которого был занят двумя магазинами, а на верхний этаж вела довольно неказистая каменная лестница, заканчивавшаяся площадкой с дверьми, обитыми окрашенным в зеленую краску холстом...

У этих дверей на цепочке висела кисть звонка, что было довольно большим новшеством, едва еще перешедшим в Россию из-за границы...

Люсли, поднявшись по лестнице, дернул за звонок, подождал и, так как ему не отпирали, позвонил еще и еще раз.

За дверью послышались шаги, стукнул засов и перед Люсли появилась заспанная фигурка лохматого подростка – казачка, испуганно смотревшего на посетителя.

– Поди доложи Ивану Александровичу, что их желают видеть, – приказал Люсли так грозно, что казачок, видимо, оробел и попятился.

Люсли вошел в прихожую.

– Кому? – переспросил казачок.

– Ивану Александровичу Борянскому, барину твоему, – повторил Люсли.

– Барину! – протянул казачок и стал чесать затылок. Он был в полном недоумении, как ему поступить.

Ему было приказано говорить, если спросят, дома ли, что «дома нет», так он и говорил до сих пор, но тогда ему еще не приходилось иметь дело с прямым приказанием посетителя «идти и доложить»...

– Барина дома нет, – наконец выдал он.

– Да, верно, он еще спит?

Барин действительно спал, и потому казачок уже решительно не знал, как ему быть теперь.

Между тем Люсли из прихожей уже вошел в первую большую комнату, вроде зала.

Трудно было вообразить, в каком виде был этот зал: посередине стояли три сдвинутых вместе ломберных стола, закапанных воском и исписанных мелом. Груда карт лежала в беспорядке. Восковые свечи, догоревшие до подсвечников, казалось, все еще чадили. Карты валялись повсюду – и на полу, и на столе. Они были согнуты, разорваны на клочки, редко целые.

Особенно неприглядный вид имели растоптанные куски мела.

Стулья были разбросаны по всей комнате в полном беспорядке. В подсвечниках высились кучки золы, выбитой из трубок. Несколько чубуков с трубками были брошены как попало.

Вдоль стены тянулся длинный стол, узкий, покрытый залитой вином скатертью и уставленный опустевшими бутылками и грязными, липкими стаканами.

Зал носил на себе явные следы продолжавшейся всю ночь картежной игры, закончившейся настолько недавно, что дорвавшаяся, наконец, до сна прислуга не успела убрать его.

Люсли сел на первый же попавшийся стул и, достав визитную карточку, передал ее казачку и приказал:

– Поди разбуди барина и отдай ему это!

Казачок нехотя ушел.

Некоторое время было тихо. Затем послышалось громкое ворчание, окрик и звонкая пощечина. Казачок стремительно вылетел и, держась за щеку, с воем пробежал через зал.

Люсли не двинулся со своего места.

Ворчание усилилось; дверь, из которой вылетел казачок, распахнулась, и в зал вошел огромного роста мускулистый человек с курчавой черной головой и большими бакенбардами. На нем был халат, который он, запахнув, держал одной рукой на груди.

Он остановился, расставив ноги, утвердился на них, опустил голову и красными, налившимися кровью глазами поглядел на Люсли.

– Я имею честь говорить с Иваном Александровичем Борянским? – спросил Иван Михайлович.

– Ну, удовольствия, я думаю, мало говорить со мною, в особенности в такой вот обстановке, – ответил Борянский, осмотрев зал, и проговорил: – Фу, какое свинство! Пройдемте сюда вот, в гостиную!..

Но и в гостиной оказалось ничуть не лучше. Там тоже повсюду валялась зола из трубок, недопитые вина в стаканах и в бутылках.

– Говорите, пожалуйста, быстрее, в чем дело, – сказал Борянский, – мне спать хочется!

– Я вижу, – улынулся Люсли, – вы всю ночь играли в карты.

– Двое суток подряд... Ну, вы ко мне явились от этого... как его... общества «Восстановления прав обездоленных», что ли?

При этом Борянский посмотрел на лиловую карточку Ивана Михайловича Люсли, которую держал в руках, и в углу которой стояли буквы «В.П.О.», что и означало «Восстановление прав обездоленных».

Ивану Михайловичу Люсли такой откровенный приступ не совсем понравился, он поморщился и проговорил:

– Вы высказали желание поступить в это общество и были приняты в него как один из семи деятелей, различавшихся по цветам радуги. Вам достался желтый цвет, и я привез для вас кокарду этого цвета, чтобы вы надевали ее в знак вашей принадлежности к обществу «Восстановления прав обездоленных».

И с этими словами Люсли передал своему собеседнику желтую кокарду, а сам нацепил в петлицу лиловую.

Борянский взял кокарду, мельком взглянул на нее и, небрежно бросив ее на стол, сказал:

– Все это – пустяки... эти цвета, кокарды... и всякая такая мистика... А вы мне лучше о деле расскажите! Ведь, насколько я понимаю, общество занимается тем, что отыскивает наследства без прямых наследников и находит затем подходящих людей, к которым правдой или неправдой может перейти вымороченное наследство?

– Ну зачем же неправдой?.. – попробовал возразить Люсли.

– Ну ведь и я не вчера родился! – перебил его Борянский. – И не считаю себя институткой; да и не все ли равно: правдой там или неправдой, раз все делается на законном основании и за это получают денежки!.. Ведь вы-то права обездоленных не даром же восстанавливаете!

– Ну, конечно, не даром, – согласился Люсли.

– Ну вот то-то и оно!.. Видите, если умно дело повести, то большие капиталы на этом нажить можно!

– Об этом с вами распространяться я не имею права! – остановил его Люсли. – Мое дело передать вам кокарду вашего цвета и пригласить вас на общее собрание в четверг. Оно будет происходить под председательством нового Белого!

– Ох! – махнул рукой Борянский. – Бросьте вы эти кокарды и цвета!.. Тут человек две ночи не спал, у него глаза словно бы медом смазаны, а вы разные рацеи разводите. Если вы меня зовете в четверг только затем, чтобы в краски играть да кокардами щеголять, так я и не приеду! Я, знаете ли, такой человек, что мне подавайте существенное, а без этого самого существенного я совсем никуда не гожусь!

– Если вы под существенным, – спокойно сказал Люсли, – подразумеваете деньги, то могу вам вручить от имени общества до тысячи рублей сейчас, если вам угодно; на это я уполномочен!

– Вот это – дело! – воскликнул Борянский, ударив рукой по столу. – Вот это – дело!.. Мне деньги кстати сегодня!

– А? Проигрались, верно! – усмехнулся Люсли, доставая из кармана пакет с кредитками.

– Я никогда не проигрываю, – даже обиделся Борянский, – нет-с, в эти двое суток у меня недурной улов был; до двадцати пяти тысяч я как раз восемь сотен с тремя десятками недобрал... Вот я этот недобор из этой тысячи и восполню и кругленькой суммой в двадцать

пять тысяч в банк внесу. Оно остроумно и выходит: выиграю в банк и будет положено тоже в банк. Но не карточный стол, а государственный!

Борянский взял деньги, пересчитал их, зажав в кулаке, и, видимо, считая весь разговор оконченным, раскланялся с Люсли, заявив ему, что теперь он пойдет спать, но что в четверг придет на заседание. Затем он удалился, держа в кулаке деньги, полученные от Люсли.

Глава III Аукцион

Иван Михайлович Люсли, разговаривая с Борянским, несколько раз посматривал на часы, как человек, который торопится и поэтому не может пускаться в долгие разговоры.

Он остался доволен краткостью своей беседы с Борянским и, выходя от него и садясь в свою карету, еще раз посмотрел на часы, которые показывали без двадцати минут два, и проговорил:

– Я еще успею...

Не более как через десять минут он подъехал к небольшому одноэтажному дому-особнячку на Моховой улице.

По-видимому, в этом доме был съезд. У крыльца стояло несколько собственных экипажей и извозчиков, но съехались сюда, по всем признакам, отнюдь не гости.

В передней не было прислуги, она не выскакивала на крыльцо навстречу подъезжавшим экипажам.

На крыльце топтались какие-то чуйки, некоторые окна были отворены и в них можно было увидеть внутри дома свободно расхаживающих людей самых различных сословий. Тут были и щеголи, и бородатые купцы.

Было похоже, что в доме происходят похороны. В сущности, так оно и было на самом деле, только хоронили не человека, а его состояние, распродавая последнее, что у него было.

Дом этот принадлежал Максиму Геннадьевичу Орлецкому и продавался с аукциона вместе со всей находившейся в нем обстановкой.

Кто, собственно, был этот Максим Геннадьевич Орleckкий, никто хорошенько не знал. Не знали также, почему продается с аукциона его имущество – за долги или по какому другому случаю.

В «Петербургских ведомостях» было помещено об этом аукционе объявление, и по этому объявлению в дом на Моховую съехались и сошлись разного звания люди.

Начало аукциона было назначено на два часа, и Люсли, по-видимому, сильно интересовался продажей, потому что торопился попасть к этому времени. Войдя в дом, он не стал осматривать продававшиеся вещи и обходить дом, а преспокойно сел в первой, служившей залом комнате на стул и, заложив ногу за ногу, принялся терпеливо ждать, когда начнется аукцион...

Последний начался минут на сорок позднее назначенного часа, и было объявлено, что сегодня будут продаваться книги из библиотеки, причем первыми пойдут дорогие, старинные.

Эти книги, несмотря на то, что они были «дорогие и старинные», были оценены в два и в три рубля. Они так и пошли за эту цену, потому что никто из присутствующих почти ничего не добавлял, и аукционист то и дело постукивал в третий раз молоточком и обращался к тому, кто накидывал пятачок, или, в лучшем случае, двугривенный против оценки, со словами:

– За вами!

Дошла очередь до старого латинского молитвенника, обтянутого кожей, с медными застежками.

– Латинский молитвенник! – провозгласил аукционист. – Оценка – полтора рубля... Кто больше?

– Пять копеек, – сказал Люсли.

– Рубль пятьдесят пять, – протяжно, нараспев, привычным тоном произнес аукционист. – Кто больше?

– Рубль... – вдруг послышался голос из угла, противоположного тому, где сидел Люсли. Голос был довольно хриплый и неприятный.

Люсли, приподнявшись со своего места, постарался рассмотреть своего конкурента, посмеявшегося сразу на рубль повысить цену на молитвенник.

Это был человек в довольно потертом гороховом костюме, в мятой, далеко не первой свежести рубашке, с торчащими во все стороны взъерошенными усами. Эти усы служили как бы главным отличительным типом его существа. Он сидел, слегка склонив голову, и, зажмурив правый глаз, левым издали глядел на лежавший на столе аукциониста молитвенник так, будто бы целился в него.

– Два рубля пятьдесят пять копеек... Кто больше? – выкрикнул аукционист.

– Пять копеек! – поспешно добавил Люсли.

– Рубль! – сейчас же прозвучал хриплый голос конкурента.

Люсли не отстал; он сейчас же набавил пятачок, и тут же со стороны его конкурента раздалось, как эхо, «рубль!».

Так они стали переключаться, и аукционист едва успевал подхватывать и выкрикивать набавленную цену.

Цена уже была набита до ста трех рублей тридцати пяти копеек, но Люсли все прибавлял по пятачку, а его конкурент – по рублю.

Наконец, тот, словно размахнувшись, вдруг стал прибавлять по двадцать пять, а Люсли хватил сто рублей сразу.

– Двести тридцать два рубля пятьдесят пять копеек! – провозгласил аукционист.

– Двадцать пять рублей! – спокойно прибавил хриплый голос усатого человека.

Люсли начал горячиться и прибавлять десятками рублей.

Среди присутствовавших начался удивленный шепот, почему это вдруг латинский молитвенник так непомерно растет в цене. Большинство никак не могло предположить, чтобы книга могла оцениваться сотнями рублей и чтобы могли найтись люди, способные заплатить за книгу такие деньги.

Не менее других был удивлен и сам аукционист. Много вещей приходилось ему продавать на своем веку, но во всей своей практике он не помнил случая, чтобы цена на книгу росла так, как теперь.

Цена уже перевалила за тысячу, а конкуренты все набавляли, и ни один не желал отступить.

Первым все же стал выказывать беспокойство Люсли. Он достал кошелек, перебрал все находившиеся там золотые, достал бумажник и пересчитал находящиеся там деньги.

Всего у него было тысяча восемьсот восемь рублей – цифра особенно оставшаяся у него в памяти, потому что она случайно совпадала с цифрой года, в котором все это происходило, и он шел до этой цифры. Но вот его конкурент дал тысячу восемьсот двадцать пять рублей, и Люсли вынужден был отстать.

Он был бледным как полотно и сильно взволнован, когда аукционист, ударив молотком по столу, громогласно заявил:

– Тысяча восемьсот двадцать пять третий раз!.. – и затем, обращаясь к усатому человеку, добавил: – За вами!..

Люсли сжал кулаки, стиснул зубы и, топнув ногой, в досаде пошел к двери, показывая этим, что только и интересовался на аукционе латинским молитвенником и не желает больше оставаться, так как не хочет покупать больше ничего.

Он выскочил на крыльцо в таком виде, как будто готов был упасть в обморок – настолько поражен он был своей неудачей.

На свежем воздухе Люсли вздохнул немного свободнее и остановился, вбирая в себя этот воздух и вместе с тем как бы обдумывая, что ему теперь делать.

Пока он так стоял на крыльце, появился и его более счастливый конкурент, который тоже приходил, видно, на аукцион за молитвенником и, приобретя его, вполне удовлетворился и теперь уходил домой.

– Скажите, пожалуйста, – обратился к нему Люсли. – Почему вы так набавляли цену на молитвенник?..

Усатый человек поглядел на него прищурясь и принял такой гордый вид, который совершенно не соответствовал ни потертому гороховому костюму, ни его взъерошенным усам.

Люсли увидел, что с этим человеком нельзя было обращаться бесцеремонно, и потому поспешил назвать себя и спросил, в свою очередь, с кем имеет честь.

Тогда его конкурент галантно расшаркался (на ногах его вместо сапог было нечто вроде спальных туфель) и, сняв картуз, проговорил:

– Я наречен при крещении Орестом, а фамилия моя Беспалов!.. Чем могу служить вам?

– Мне хочется узнать, почему вы так набавляли цену на молитвенник?

Орест Беспалов поставил усы ежом, задумался и пожевал губами, а потом спросил:

– Вы в карты когда-нибудь играли?

Люсли удивился неожиданному вопросу, но все-таки ответил:

– Играл!

– Ну так должны знать, что такое фант! С географией вы тоже, вероятно, знакомы?

– Ну!..

– Ну, значит, знаете, что такое Азия? А все вместе выйдет фантазия... Поняли?

– Ничего не понял! – сказал Люсли.

– Странно! – сказал Орест, – А между тем все так просто, как «добрый день», как говорят французы! Такова была моя фантазия, чтобы набавлять именно на молитвенник цену.

– И вы бы мне не уступили ни за что?

– Ни за что!

– И все только из-за фантазии?

– Только из-за фантазии!

Глава IV

Орест Беспалов

– Но, может быть, теперь, когда ваша фантазия, так сказать, удовлетворена, – проговорил Люсли, – вы согласитесь перепродать мне этот молитвенник?

Орест покачал головой и, подняв палец, помотал им в воздухе:

– Никогда!

– Почему же это?

– Это – наша государственная тайна...

– Ваша? Значит, вы не один знаете ее, а и еще кто-то?

– Почему вы так думаете?

– Да потому, что иначе вы бы сказали не «наша», а «моя»...

Орест нахмурил брови и строго произнес:

– Во-первых, должен вам, досточтимый джентльмен, заметить, что Орест Беспалов имеет обыкновение говорить про себя во множественном числе, хотя и признает, что он – единственный в мире и что доказано несомненными данными; а, во-вторых, в данном случае вы совершенно правы: эта государственная тайна не моя, а другого лица... И тут есть еще и третье лицо... Замечаете мое красноречие?..

Люсли некоторое время подумал, потом вдруг предложил Оресту:

– Не хотите ли пойти позавтракать?

– Вы хотите угостить меня или хотите, чтобы я вас угостил?

– Нет, отчего же?.. Я с удовольствием поставлю вам бутылку вина.

– Не пью! – пожал плечами Орест.

– Не пьете, вы?!

– Ну да... Вина не пью!

– А что же?

– Только водку! Всем другим пренебрегаю: кислятина!

– Отлично. Я угощу вас водкой!

– Покорно благодарю, с удовольствием. Сейчас же видно, что вы – человек воспитанный, а с таким я всегда охотно вступаю в общение. Это ваша колесница? – спросил Орест, показывая на карету Люсли.

– Моя, – ответил тот. – Не угодно ли вам сесть?

– С восхищением!.. – И Орест ловко вскочил по подножке в экипаж с таким видом, словно бы кататься в каретах для него было дело привычное.

Люсли, одетый франтом, сообразил, что ему неудобно будет показаться в хорошем ресторане вместе с таким по виду невзрачным товарищем, каким был Орест Беспалов, и велел кучеру своей кареты остановиться у трактира средней руки, где, по правде сказать, очень редко останавливались кареты...

Зато их встретили с поклонами и проводили не в общий зал, а в отдельную комнату, предназначенную для почетных посетителей.

– Так что же заказать? – обратился Люсли к Беспалову.

– Вина и фруктов! – сказал тот.

– Но вы ведь вина не пьете?!

– О, святая простота! – улыбнулся Орест. – Под вином подразумевается водка, а под фруктами – огурцы!

– Значит, водки и закуски?

– Вот именно.

Люсли распорядился.

Видно, он был очень заинтересован молитвенником, купленным Беспаловым на аукционе, если не погнушался познакомиться с этим не только по облику подозрительным субъектом, но и по разговору тоже, и отправился с ним вместе в трактир...

Не могло быть сомнения, что Беспалов купил молитвенник не для себя – откуда ему было взять тысячу восемьсот двадцать пять рублей?

Но странным казалось, что кто-то мог ему доверить такую сумму?

Все это Люсли надеялся выяснить.

Поэтому, когда принесли водку и закуску, он сначала дал Оресту выпить хорошенько, а после этого принялся его расспрашивать.

Сам-то он знал, почему можно было дать такие большие деньги за молитвенник, и его интересовало, известно ли это самое Беспалову или тому, кто ему дал это поручение?

– Итак, вы купили молитвенник на том основании, что это – ваша государственная тайна? – начал Люсли, когда Орест опрокинул три рюмки водки, причем, первую закусил кусочком черного хлеба с солью, а после второй и третьей только понюхал корочку.

– Да-с, это – тайна, так сказать, впрочем не такая уж и сокровенная, – заявил Беспалов, заметно подобрев после выпитой им водки.

– А в чем тут дело? – подзадорил его Люсли.

– Все дело тут в том, что оный молитвенник составляет до некоторой степени семейную реликвию...

– Вашу?!

– Нет, не мою, но лица, мною покровительствуемого...

– Вы кого-нибудь покровительствуете?

– То есть, положим, что это выражение не совсем подходящее, потому что правильное было бы сказать, что мы с ним просто в отличных, даже дружеских отношениях...

– Как же его зовут?

– Его полное имя – Александр Николаевич Николаев, а в аристократическом обществе все его зовут сокращенно – Саша Николаич...

– И этот молитвенник составляет его фамильную реликвию?

– Совершенно верно, – этот вопрос, похоже, ничуть не смущал Беспалова, и потому он, не задумываясь, продолжал: – Этот молитвенник некогда принадлежал аббату Жоржелю, ставшему впоследствии...

—...кардиналом Аджиери, – подсказал Люсли, не выдержав.

– Вот-вот, кардиналом Аджиери, оно самое.

– Так какое же отношение имеет кардинал Аджиери к господину Николаеву?

– Так он ни более, ни менее, как отец этого господина Николаева.

– Так Николаевич – сын кардинала?!

– Да, и еще одной русской графини, то есть, вернее, одной бывшей графини, а теперь просто госпожи Дюплон...

– Это что-то очень сложное...

– Да, история очень длинная и непростая; это, смело можно сказать, не медведь в трубку начнал... Романея... печальная романея!..

– Как вы сказали?

– Я говорю, романея, то есть романтическое происшествие, и если вы – писатель или хотя бы желаете стать таковым, не сможете заимствовать готовый сюжет...

– Расскажите, пожалуйста...

Орест Беспалов покачал головой.

– Если все рассказывать, так в этом графинчике водки не хватит...

– Вы не беспокойтесь, я велю подать еще, – заявил Люсли, после чего налил и себе рюмку водки и выпил ее приемом человека, тоже умеющего обращаться с этим напитком.

– Тогда извольте, – согласился Орест – Надобно вам сказать, что я жил в так называемой своей семье, которая состояла из четырех человек: меня, то есть Ореста Беспалова, моего брата, слепого Виталия, молодой девицы, воспитанницы, или приемной дочери, Марии, и нашего отца, титулярного советника в отставке Власа Семеновича Беспалова. Сей почтенный гражданин земли русской разгуливал больше по дому с трубкой и в халате. Слепой Виталий сидел в углу и мечтал о том, сколько миллиардов ему нужно для исполнения его мечтаний. Девица Мария, отличавшаяся необыкновенной красотой, брала работу – шитье от различных лиц аристократического происхождения – и тем увеличивала наш скромный бюджет... Я по преимуществу ходил в трактир и играл там на бильярде...

– Да что вы все про себя рассказываете? Вы мне расскажите про Александра Николаева и про молитвенник...

– Дойдет дело и до всего этого. Вы только следите внимательно за нитью моего рассказа, а также за тем, чтобы была в графинчике водка...

Люсли велел принести еще водки.

Глава V

Рассказ Ореста

– Титулярный советник Влас Семенович Беспалов, в сыновьях которого я имею честь состоять, – продолжал Орест, – обладал домишком весьма низменного, правда, свойства, но все-таки довольно приличного для местожительства нашего, извините за выражение, семейства. Досточтимый мой родитель нашел, что наше обиталище несколько просторно, и что имеется возможность сдавать одну комнату, хотя, заметьте, я, Орест Беспалов, имел свое логовище в проходном коридорчике за шкафом. Как сейчас помню это время. Родитель сам написал на куске бумаги: «Сдается комната со всеми удобствами», сам сварил и клейстер и, не пожалев его, наклеил эту бумагу с надписью на окно, и вот эту-то комнату и занял упомянутый уже мною Александр Николаевич Николаев, с которым впоследствии я сошелся так, что не могу упустить случая, простите, выпить за его здоровье.

Орест налил себе еще водки, выпил, а потом опять заговорил:

– Господин Николаев был молодым человеком, блиставшим, можно сказать, в петербургском обществе, но не знавший ни отца своего, ни матери и вообще не имевший никаких сведений о своем происхождении. Однако по паспорту он значился дворянином, был воспитан в Париже неким человеком, а затем, после смерти этого человека и по его указанию, перебрался в Петербург и получал здесь через заграничный банкирский дом неизвестно от кого изрядную сумму, кажется, тысячу рублей в месяц. Ну, разумеется, эти деньги позволяли ему быть среди высшего общества столицы, и все прочее... Как вдруг в банке ему сообщили, что выдача денег ему прекращается и он их больше получать не будет... Александр Николаевич распорядился круто, и это послужило ему спасением, потому что он отыскал меня... Он решил, лишившись средств, немедленно изменить свою жизнь, катившуюся до сих пор для него слишком роскошно, и тогда же нанял сдававшуюся титулярным советником Беспаловым комнату. Тогда-то мы и встретились и с тех пор уже не расставались.

– И что же, он тоже очень любит выпить? – усмехнулся Люсли.

– К сожалению, – вздохнул Орест, – у него есть огромный недостаток: он совершенно не признает водки и, несмотря на все мои убеждения, пренебрегает этим напитком... Мало того... даже меня он старается отучить от водки, хотя это все равно, что отучить месяц ясный от солнечных лучей, которыми он и светит... А вы знаете? – вдруг перебил сам себя Орест. – Это же так здорово сказано, что я даже по этому поводу выпью...

– Ну, хорошо, так что же Николаев-то?

Орест снова выпил, закусил огурцом и продолжил свой рассказ:

– Вы спрашиваете, что сделал Николаев?.. Он нанял у нас комнату и жил якобы в бедности. Но затем в Петербурге объявился француз Тиссонье, бывший приближенный его отца, чтобы сообщить ему о смерти его отца, кардинала Аджиери, который и оставил ему все свое состояние, а оно заключалось в мызе, расположенной в отдаленной от нас стране Голландии. Надобно вам сказать, что этот кардинал Аджиери в прежнее время под именем аббата Жоржеля служил у знаменитого кардинала де Рогана личным секретарем. В это время он, то есть аббат Жоржель, сошелся с некоей русской графиней, и у нее в Амстердаме от него родился сын, которого она была вынуждена скрыть от своего мужа, находившегося тогда в России. Аббат взял на себя все заботы о дальнейшей судьбе ребенка и исполнял их свято, хотя и не мог держать мальчика при себе даже в качестве воспитанника, потому что этот мальчик был как две капли воды похож на него. Он воспитал мальчика, дал ему средства к существованию, и средства очень большие, а затем, когда он умер, оставил ему и все свое состояние.

– И большое? – поинтересовался Люсли.

– Огромное! – сказал Орест. – Мы с Александром Николаевичем были в Голландии и вступили в права наследства, а потом, когда уже вернулись в Петербург, случайно нашли тут и свою мать. Это была графиня Савищева, женщина очень богатая, но затем, по воле рока или, вернее, происков злых людей, лишившаяся всего своего состояния и даже имени... Дело было в следующем: оказалось, что она была венчана по подложному документу и потому ее брак с графом Савищевым был расторгнут, ее сын был объявлен незаконным и лишился таким образом своего титула, а их состояние по закону перешло к ее племяннице. И вот эта несчастная женщина, как пишется в повестях, была в чрезвычайно бедственном положении, когда вдруг совершенно случайно благодаря одному документу выяснилось, что мой приятель Николаев – не кто иной, как ее родной сын... И он снова окружил ее царственной роскошью.

– Ну а тот, другой, бывший граф Савищев?.. Что с ним сделалось? – тихо проговорил Люсли, слушавший все это с опущенной головой.

– А он пропал неизвестно куда! – ответил Орест.

Люсли провел руками по лбу и после некоторого молчания, не сразу спросил:

– Ну, а она сама, эта бывшая графиня Савищева, вспоминает ли она когда-нибудь его?..

– Кого это? – не понял Орест.

– Своего пропавшего сына?..

– Нет, редко, – равнодушно произнес Орест.

– Ну, хорошо, – не стал дальше спрашивать Люсли, – а этот молитвенник?..

– За который вы давали на аукционе бешеную цену? – поинтересовался Орест.

– А вы дали еще больше...

– Ну, я-то давал известно почему... а вот вы-то ради чего так лезли на стену?.. Хотя, я вижу теперь, что молитвенник этот стоит тех денег, раз вы готовы были заплатить...

– Я просто любитель старых и редких книг, – пояснил Люсли, – и не мудрено, что желал приобрести редкий экземпляр, не жалея никаких денег... но почему вы-то решились дать такую сумму...

– Да потому, что тут для меня в некоторой степени шел вопрос о жизни и смерти... Дело в том, что на покровительствуемого мною, вольного кабальера Николаева нисходит иногда такое странное желание отучить меня от водки... Тогда он меня лишает так называемых ливров, и тогда перестает мне давать деньги на приобретение необходимого для моей натуры количества алкоголя... Можете вы войти в мое положение?.. Мое существование тогда превращается в подлое прозябание, которое совершенно не соответствует достоинству Ореста Беспалова. Я не знаю, какую же надо иметь ожесточенную душу, чтобы обвинить меня в том, что я, лишенный водки, в тоске по ней спер латинский молитвенник у француза Тиссонье... «Ведь француз знает и без того этот молитвенник наизусть... так зачем он ему?» – рассудил я и снес книгу к букинисту. Тот мне за нее дал пять рублей. Ну, разумеется, и разыгралась история! Саша Николаич поставил мне ультиматум: или чтобы я достал назад молитвенник, или чтобы я ему больше на глаза не показывался... Это было довольно неделикатно с его стороны, но я решил не обращать внимания на эту неделикатность, потому что, между нами, джентльменами... знаете... это – наплевать, как говорила королева Мария Антуанетта... Мой милейший Саша Николаич велел мне не стесняться в деньгах, лишь бы откупить молитвенник, но оказалось, что букинист, которому я уже спустил молитвенник, успел его продать господину Орлецкому, а тут еще, как нарочно, этот аукцион у него... вот я и едва подоспел...

– И торговали на деньги господина Николаева?

– Истина говорит вашими устами!

– И не постеснялись дать тысячу восемьсот рублей?

– Такова уж ширина моей натуры!

– Ну, благодарю вас за сведения... Мне уже пора отправляться восвояси...

– Куда же вы? – с некоторым сожалением протянул Орест. – Вы бы лучше велели мне еще водки, а я бы вам рассказал о нашем пребывании в Голландии...

– Как-нибудь в другой раз, а теперь я уже тороплюсь. У меня стоят дела. Где вас можно найти?

– В доме Александра Николаевича Николаева...

– У него свой дом?

– Да. На Невском проспекте, двухэтажный каменный, недалеко от Аничкова моста, с садом... Так вы положительно уходите сейчас?

– Ухожу.

– Значит, дальше мне на свой счет пить?.. Грустно! Вы, может быть, хоть на бильярде играете? Хотите партию?..

– Нет, благодарю вас...

– Жаль! Вы такой отличный собеседник!..

Но Люсли уж не стал дальше слушать его, а, простившись с Орестом, ушел из трактира. После его ухода Орест приказал половому:

– Принеси мне теперь графинчик за мой собственный счет!..

Глава VI

Тень прошлого

Выйдя из трактира, где он только что беседовал с Орестом Беспаловым, Люсли выказал поспешность необычайную. Он вскочил в карету и крикнул кучеру:

– Как можно скорее домой!

Домом Люсли оказалась гостиница в Новоисакиевской улице, куда и привезла его карета во весь дух, потому что он то и дело погонял кучера.

Люсли занимал номер в дорогом нижнем этаже и быстро прошел к себе.

Его ждал высокий благообразный старик с длинною седою бородой и волосами, выбивавшимися из-под черной шапочки, которую он не снял и в комнате. Одежду старика составлял длинный черный немецкий оберрок старинного фасона и по-старинному же на его ногах были чулки, башмаки с пряжками и короткое исподнее платье.

По виду старика можно было принять за ученого восемнадцатого столетия, как бы случайно забытого на земле в девятнадцатом веке. Он сидел в большом кресле спиною к окну, так что мог сразу же разглядеть вошедшего Люсли.

Последний, войдя, поклонился так, точно хозяином здесь был не он, а ожидавший его старик.

– Ну что? – спросил тот, не отвечая на поклон Люсли и лишь пристально уставившись на него своими горячими, как уголья, глазами. – Молитвенник куплен?

Люсли, видимо, не ожидал ни такого сурового тона, ни такого определенного вопроса. Он остановился и почувствовал, что бледнеет и невольная дрожь охватывает его. Подобного пронизывающего взгляда он еще никогда не видел.

– Нет, – нерешительно произнес он.

– Нет? – переспросил старик. – Молитвенник не куплен, несмотря на мое приказание купить его во что бы то ни стало?

– На это у меня не нашлось денег, – слабо возразил Люсли.

– Вы пошли торговаться на аукцион, не захватив с собой даже денег?!

– Со мной было всего тысяча восемьсот рублей, а мой конкурент дал тысячу восемьсот двадцать пять...

– Надо было дать больше!..

– Но у меня с собой было всего тысяча восемьсот восемь рублей! Я никак не ожидал, что кто-нибудь будет так набавлять и мне таких денег не хватит...

– Вы, значит, не имеете понятия об условиях аукциона. Даже имея меньшую сумму в кармане, вы могли бы набавлять сколько вам угодно!..

– Как это так? – удивился Люсли.

– Очень просто, – пояснил старик, – ни в одном аукционе не требуют немедленного взноса платы. Вам сегодня было бы достаточно только внести небольшой задаток, а плату вы бы могли внести завтра или даже позже...

Люсли опустил голову на руки.

– Я же этого не знал! – прошептал он.

– А между тем это настолько просто, что я даже не считал нужным предупредить вас об этом, – проговорил старик. – К сожалению, я не знал, что имею дело со столь малоосведомленным человеком! Как же вы не справились ранее обо всем? Ведь вы знали, насколько важно для общества иметь этот молитвенник в руках!..

– Знал!

– Вы знали, что то, что скрыто в этом молитвеннике, стоит неизмеримо больше несчастных тысячи восьмисот рублей?..

– Знал!

– И все-таки упустили эту вещь, упустили по-детски, по-младенчески легкомысленно!.. А это же было ваше первое дело, порученное вам мною, обществом нашим. Я знал, что вы – новичок еще и потому дал вам легкое поручение, но вы и его не сумели исполнить. А это означает, что вы доказали свою полную неспособность. Общество не сможет в дальнейшем доверять вам. Я приказываю вам немедленно вернуть вашу фиолетовую кокарду, вы лишаетесь вашего цвета. Я вас заменяю другим членом общества...

При этих словах старика Люсли отступил на шаг назад и, прижав одну руку к груди, провел другою по воздуху, как бы желая отстранить нечто, надвигающееся неумолимо на него.

– Я не отдам своей кокарды! – решительно произнес он.

Старик усмехнулся и сказал:

– Вот как? Вы насильно хотите остаться одним из семи?

Люсли всплеснул руками и заговорил взволнованно и быстро:

– Нет, я ничего не хочу делать насильно, но я буду просить вас, молить, потому что имею право больше, чем кто-либо, носить эту кокарду. Тем, что я не купил сегодня на аукционе молитвенника, еще не все потеряно, решительно ничего, потому что я знаю, в чьих он руках. Молитвенник опять вернулся к французу Тиссонье, от которого попал к букинисту, продавшему его Орлецкому. Но этот Тиссонье, этот наперсник кардинала Аджиери, он же находится при сыне кардинала, Николаеве. А этот самый Николаев – заклятый враг мой, понимаете ли. Я не отступлю ни перед чем в отношении его, если это будет нужно. Я должен во что бы то ни стало свести с ним свои счета. Вы – новый Белый для нас, только что приехавший в Россию, – хотя и владеете отлично русским языком, но не знаете всего того, что происходит здесь и что происходило до вас. Вы не знаете, ни кто я такой, ни что я такое. Ну, так вот, я вам расскажу... Я расскажу вам, потому что вы – Белый, соединяющий все семь цветов, – властвуете над нами и, значит, властвуете и надо мной. Так слушайте же! Эти рыжие волосы – не мои, они поддельные. Эти огромные синие очки, которые я ношу, служат мне для того, чтобы изменить мое лицо так, чтобы меня не опознали. Я называюсь Иваном Михайловичем Люсли, а на самом деле я родился графом Савищевым Константином. Я еще совсем недавно был богат, жил в роскошном доме, у меня была мать, обожавшая меня... И я был дружен с этим Николаевым, но был принужден разойтись с ним, потому что он перестал вдруг получать деньги, составлявшие его ренту, словом, он вдруг обеднел и не мог поддерживать прежние знакомства. Когда я сказал ему это, то он еще и назвал меня подлецом. И этого-то «подлеца» я не прошу ему никогда! С тех пор меня стали преследовать несчастья. Я позарился на большое дело, у меня выманили метрическое свидетельство моей матери и устроили так, что оно вдруг оказалось подложным. Как это вышло, я не могу разобраться до сих пор, но в конце концов на основании этого подложного метрического свидетельства брак моей матери с моим отцом, графом Савищевым, был расторгнут, а я был объявлен незаконным сыном!.. Наше состояние перешло к моей двоюродной сестре, и я сразу же оказался нищим со старухой-матерью на руках, лишенным рода и племени, лишенным даже имени... И вдруг снова появляется этот Николаев, Саша Николаич, как все мы его звали. Он стал богатым, он владеет огромным состоянием, полученным им от отца, и теперь пренебрегает мною, которому он бросил в лицо «подлеца»... Этого я не мог вынести... Чаша моего терпения переполнилась, и я, правда, плохо сознавая окружающее, вышел на улицу, пошел, сам не зная куда, очутился на мосту и бросился в реку. Жить мне стало не вмоготу. Но, оказалось, за мной следили! Меня спасли, и спасен я был по приказанию вашего предшественника, который, вернув мне жизнь, не захотел снова вернуть меня к нищете, но дал мне руководителя. Последний мало-помалу посвятил меня в тайны общества «Восстановления прав обездоленных» и взамен этого потребовал от меня отречения от всех прежних

связей, потребовал, чтобы я даже оставил мать, словом, все, и предался исключительно обществу. Я согласился на все, лишь бы мне дана была возможность отомстить моему обидчику. И мне обещали это. Я согласился на все, сегодня я исполнял первое данное мне поручение от общества, и вот при исполнении этого первого своего поручения опять же наткнулся на того же Николаева. Молитвенник был куплен его посланным. Мне кажется, это сама судьба посылает мне его. И я сделаю все, чтобы достать для общества этот молитвенник, хотя бы для этого мне пришлось бы убить Сашу Николаича. О, будьте покойны, я не моргну, делая это, – до того он мне ненавистен. Вот почему я не хочу отдать кокарду и молю не лишать меня моего цвета. Если вы сделаете это, уверяю вас, вы лишитесь самого преданного, самого отчаянного слуги вашего общества.

В начале XIX столетия народилось так много таких секретных обществ, которые, наряду с масонами, розенкрейцерами, перфектибилистами и другими всевозможными братствами преследовали более или менее возвышенные цели, прикрывая их таинственными, мистическими оболочками различных обрядов и условностей. Общество «Восстановления прав обездоленных» было организовано по образцу тех мистических союзов, то есть с известной иерархией, посвящениями, разделением на степени, совершением обрядов. И в первые годы своего существования оно искренне помогало только обездоленным, отыскивая действительных наследников, чтобы помочь им в получении следуемых им по закону или по завещанию состояний от умерших родственников. Вначале члены общества отчисляли в свою пользу лишь самый незначительный процент от сумм наследства, чтобы иметь возможность поддерживать существование общества, но впоследствии этот процент постоянно увеличивался, и общество стало главным образом заботиться только о себе, стремиться к своему личному обогащению, и таким образом превратило благородные идеи в средство самой грубой наживы.

Не довольствуясь уже и крупными процентами с разысканных ими наследств, члены общества перестали отыскивать лишенных состояния, чтобы восстановить их права, а старались прежде всего найти богатые спорные наследства и сделать затем так, чтобы львиная часть их пришлась на их долю, а якобы облагодетельствованные ими наследники получали оставшиеся крохи. Но в это время они стояли на почве самого строгого закона и обдeldывали все свои дела так, что к ним никак нельзя было бы придаться. При этом они пользовались огромными связями и капиталами.

Главари, направлявшие «рабочие силы», находились в штаб-квартире в Париже. Отделения их и агенты были разбросаны повсюду.

Обрядовая мистическая сторона общества совершенно утратилась в погоне за материальными благами и их единственным пережитком были кокарды и разделение вожаков и агентов общества по цветам.

Люсли говорил долго, а старик молча, терпеливо слушал его. Бесстрастное, спокойное его лицо все время оставалось неподвижным, и по нему нельзя было определить, о чем он думал и как относился к этой горячей речи бывшего графа Савищева. Наконец, когда тот закончил, старик на него поднял медленно взор и сказал:

– Все это так. Но неужто вы думаете, будто бы мне все это не известно?

Люсли растерянно взглянул, он никак не ожидал такого...

– Вам все это было известно?

– Ну, разумеется, иначе я бы не годился в ваши Белые тут, в Петербурге, если бы не знал о составе всех цветов. Разумеется, мне все это было известно!.. Но я не перебивал вас, пока вы все это говорили, потому что мне нравилась та горячность, с которой вы делали это... И эта ваша горячность и спасает вас в моих глазах... Хорошо! На этот раз сохраните свой цвет и постарайтесь дальнейшей деятельностью своей заслужить мое одобрение и одобрение общества.

– О! – воскликнул Люсли. – Поверьте, что я достану этот молитвенник!..

Старик встал со своего места, подошел к нему и, положив ему руку на плечо, сказал:
– Помните одно! Ничего не делайте по собственному почину, без моего приказаня, иначе я отниму у вас кокарду.

После этого он вышел, махнув рукой Люсли, чтобы тот не провожал его.

Глава VII Месье Орест опять «нездоров»

Орест Беспалов выпил на собственный счет еще целый графинчик и так «разукрасился», что домой возвращался совсем не твердыми шагами. Он шел пошатываясь, на растопыренных ногах, как ходят по палубе моряки, и громко рассуждал сам с собой.

Рассуждения Ореста были очень глубокомысленны, и он изредка находил, что дважды попал не туда, потому что положительно плохо было то, что он был в незнакомом трактире, так как из знакомого ноги сами идут домой по привычке, а тут удивительно трудно сообразить, где он и куда надо идти.

Конечно, можно было бы спросить, но все дело в том, что бывает удивительно трудно выговорить такие слова, как «Невский проспект!». Но вот Орест отыскал эту улицу, а на ней и дом Саши Николаича.

Стараясь держаться теневой стороны, он обогнул этот дом, причем на углу, на повороте, удержался за водосточную трубу и проник к растворенному окну в кабинет Саши Николаича. Тут Орест, после невероятных усилий, уселся на подоконник и прислонился к косяку.

Его появление было замечено Сашей Николаичем, сидевшим у себя в кабинете и читавшим книгу. Увидя Ореста на подоконнике своего окна, он сейчас же понял, что тот опять напился.

– Что вы тут делаете?.. Зачем безобразничаете?

– Гидальго! – беспомощно произнес Орест, помотав головой. – Я должен немедленно иметь у вас аудиенцию по весьма серьезному делу, а я между тем помню завет...

– Какой еще завет?

– Не переступать порога вашей священной обители в нетрезвом состоянии. А так как я нахожусь в таковом, то и вышел из положения со свойственной мне гениальностью, сев, как вы видите, на подоконник с внешней стороны вашего кабинета!

Николаев махнул рукой и только спросил:

– Где это вы так напились опять?

– Невозможно было иначе! – энергично заговорил Орест. – Закон светских приличий того требовал... понимаете, гидальго? Новое аристократическое знакомство, великолепный джентльмен в собственной карете... трактир... и все такое прочее... И все по поводу такого священного предмета, как молитвенник... Отсюда вы видите, что я руководствовался возвышенными чувствами!

– Да! – вспомнил Саша Николаич. – Вы же должны были откупить на аукционе молитвенник... Ну, хоть это-то вы сделали, по крайней мере!..

Орест пожал плечами.

– Разве вы могли сомневаться в словах Ореста Беспалова? Разумеется, купил!

– И где же он, этот молитвенник?

– Остался в руках аукционного мастера, которому я смог внести выданную мне вами сумму задатка с тем, что остальное доплачу потом...

– Но ведь я вам дал сто рублей!

– Совершенно верно.

– И вы их внесли только в виде задатка?!

– Д-да!

– И за сколько же вы купили молитвенник на аукционе?

– За тысячу восемьсот двадцать пять рублей!

Саша Николаич выпустил из рук книгу и открыл рот.

– Да вы как? – спросил он. – Напились-то до аукциона или после?..

– Нет, гидальго, после!.. И напился я в обществе того самого джентльмена, который и набавлял цену! Во всяком случае, можно утешаться тем, что молитвенник, значит, стоит таких денег... Вероятно, это величайшая библиографическая редкость!..

– Тысяча восемьсот двадцать пять рублей! – повторил потрясенный Николаев.

– Да ведь вы же сами, – остановил его Орест, – изволили сказать мне, чтобы я не стеснялся в деньгах, если нужно!

– Ну, хорошо... Ну я-то думал... ну там сто рублей все... Но чтобы такую сумму доплатить!..

– Да кто это вам сказал, гидальго, что ее надо платить?

– А как же иначе? Я хочу вернуть этот молитвенник во что бы то ни стало!..

– И вернете!

– Каким же это образом?

– Гениальность Беспалова, – Орест подтянул и утвердил обе ноги на подоконник, обхватил их руками, оперся подбородком о колени и пристально посмотрел на Сашу Николаича, после чего произнес: – Сегодня на аукционе торг, и на нем догнали цену молитвенника до тысячи восьмисот двадцати пяти рублей... В счет этой суммы я внес сто рублей, а остальные деньги вносить я вовсе не собираюсь. . . тогда молитвенник поступит на переторжку, на которую я явлюсь, а мой конкурент, вероятнее всего, больше не появится, и на переторжке молитвенник останется за мною рубля за два-три... Ведь книга – не водка, и таких любителей, которые платили бы за нее большие деньги, можно встретить не каждый день... Таким образом, вся операция будет стоить вам сто три или сто четыре рубля... Вы поняли теперь?

– Да, теперь понял.

– Ну, еще бы, когда я так все толково разъяснил!.. Ну а теперь, гидальго, до свидания, я отправляюсь отоспаться, по обыкновению, к родителю своему, титулярному советнику Беспалову, ибо вполне сознаю, что в моем настоящем виде я в этот дом неприемлем!

– Ну, так уж и быть! – усмехнулся Саша Николаич. – Пройдите в вашу комнату потихоньку и выспитесь там!

Орест спрыгнул с подоконника, пошатнулся, но самостоятельно выпрямился во весь свой рост и произнес:

– Орест Беспалов не унижится до снисхождения... В милостях не нуждаюсь, поэтому удаляюсь под родительский кров... Будьте здоровы!..

Он снял картуз, раскланялся и исчез.

В это время в кабинет входила маленького роста старушка с высокой прической и лицом маркизы.

Саша Николаич обернулся к ней и спросил:

– Вы ко мне, маман?.. Отчего вы не послали за мной, а обеспокоились сами?

– Ах, мой миленький, – быстро заговорила она, – ну какое же тут беспокойство?.. И потом, знаешь, я пришла просто посидеть у тебя... тут прохладнее!.. Я очень люблю тут, у тебя... А месье Орест, кажется, опять нездоров? – сказала она, указав на окно, с которого исчез Орест Беспалов.

Она никогда не называла его иначе, только «месье Орест», и слово «пьян» почитала неприличным настолько, что вместо него произносила всегда «нездоров»...

– Он-то уверяет, маман, что в нем «два угодя»! – улыбнулся Саша Николаич.

– Это, должно быть, милый, очень остроумно, только я не понимаю! – добродушно откликнулась старушка. – Какие еще два угодя?

– А это по пословице: пьян да умен – два угодя в нем!

– Ах, эти пословицы, я их всегда путаю!.. Но все-таки, что за охота тебе, мой друг, держать при себе этого человека?

– Ну что ж, маман, он мне предан, а самое главное, куда же он денется без меня? Он ведь тогда совсем пропадет!

– Да, но эта история с молитвенником месье Тиссонье...

– Ну, молитвенник добудем обратно!

– И потом, знаешь, – покачала старушка головой, – я боюсь, чтобы он не имел на тебя дурного влияния!

– Ну что вы, маман!.. Ведь я уже не маленький! – рассмеялся Саша Николаич.

– Ну, делай, как знаешь, – покачала опять старушка головой. – Я боюсь, чтобы только он не имел на тебя дурного влияния! – и добавила так, точно делала невесть какое открытие, только что пришедшее ей в голову: – А знаешь что?.. Будем чай пить!

Саша Николаич знал и почему-то любил это милое пристрастие матери к чаю. Она как-то особенно уютно усаживалась за столом, за подносом с чайным прибором и так разливала чай и пила сама, что каждому неудержимо хотелось при этом тоже выпить чаю.

Саша Николаич позвонил и приказал появившемуся лакею в богатой с галунами ливрее подать чай.

Глава VIII

Одиночество

Далекий от Петербурга южный берег Крыма издавна составлял по красоте одно из лучших мест на земле, но в начале XIX столетия был почти необитаем. Нужны были месяцы, чтобы добраться сюда из центра России.

Вследствие этого Крым был населен по преимуществу местными татарами, не вносившими никакой цивилизации в его дикую природу.

Когда тут были цветущие греческие колонии, а затем генуэзские владения, то жизнь кипела здесь ключом, особенно торговая. Но теперь от этой жизни не осталось ничего, кроме разрушенных старых стен да развалившихся четырехугольных башен.

В начале XIX столетия Крым переживал переходное состояние. Его прежняя культура окончательно пала, а новое влияние России было еще совсем незначительно.

Однако голубое море было ярко и красиво, как всегда, и белой пеной рассыпалось в прибое о выступавшие далеко в него скалы причудливых форм, темные вблизи и нежно фиолетовые и голубые вдали.

Солнце грело и светило. Пролегавшие по скалам прежние дороги заглохли, и лишь кое-где вились тропинки, в лабиринте которых трудно было разобраться нездешнему человеку.

Татарские поселки с их белыми с плоскими крышами лачугами попадались довольно редко, и заросшие выжженным кустарником скалы казались пустыней.

Среди этой пустыни на выдававшейся в воду косе стояла женщина, хотя по платью ее нельзя было причислить к этому полу. На ней была полотняная мужская блуза, широкие шаровары и турецкие туфли. Ее волосы были подобраны под соломенную шляпу, лошадь с мужским татарским седлом, на которой она приехала, была отпущена на волю и, казалось, ее обладательница сама забыла о ней.

Странной была судьба этой женщины, волею providения попавшей на дикий, но благословенный берег Крыма, где она на воле чувствовала себя лишенной свободы...

Широкий простор моря, пустынные скалы и густые леса не давали свободы этой женщине, которая привыкла дышать спертым воздухом большого города и чувствовала себя госпожой среди большого скопления людей, теснящихся в добровольных темницах, называемых городами. Для этой женщины было тяжело, будто наказание, одиночество среди ласковой природы Крыма.

Чего бы только не дала она, чтобы снова попасть в Париж, в так называемую «столицу мира», где день кажется минутой и где каждая прожитая минута дает столько, сколько в ином месте не переживешь и за год!..

Там, в Париже, теперь властвовал баловень счастья, ставший из простого, незаметного корсиканца императором, властелином почти всего мира... А она?!

Она же была королевского рода, урожденная Валуа, и, несмотря на это, была вынуждена носить дырявые башмаки! И она даже была рада, когда за нее посватался этот ничтожный господин де Ламот, исполнявший, как впоследствии оказалось, должность сыщика!..

Выйдя замуж, женщина – ее звали Жанна – получила на положении замужней женщины возможность действовать самостоятельно, а ей только этого и было нужно! Целым рядом просьб и унижений она добилась того, что на нее обратила внимание королева Мария Антуанетта; да иначе и быть не могло: недаром госпожа де Ламот была королевской крови, прирожденная графиня Валуа.

Ей достаточно было того, что Мария Антуанетта обратила на нее свое внимание, а о дальнейшем она позаботилась сама, и это дальнейшее развернулось было, как ей казалось,

сначала блистательным ковром для ее торжественного шествия, на котором она сама вышивала изящные узоры... Она начала запутывать интригу влюбленного в королеву кардинала де Рогана и закончила знаменитой историей с ожерельем...

Это драгоценное бриллиантовое кольцо понравилось Марии Антуанетте, но она тогда себе отказала в покупке, предпочтя, чтобы на эту его стоимость было куплено военное судно для Франции...

А госпожа де Ламот уговорила Рогана подарить это ожерелье королеве, и затем последовал целый ряд событий, среди которых, как в омуте, закружилась голова и трудно было разобрать, что тогда следовало, а чего и не следовало делать!..

Жанна Валуа де Ламот, словно бы сорвавшись, по наклонной плоскости неудержимо и стремительно катилась вниз и, словно ее кто подхлестывал, все более и более запутывала бедного кардинала, несчастную королеву и запутывалась сама. Кардинала, требовавшего свидания с королевой Марией Антуанеттой, она одурачила тем, что передала ему много поддельных записок королевы и, найдя схожую с нею лицом девушку, устроила ему свидание с этой мнимой королевой. Роган попал в западню, купил ожерелье, но это ожерелье де Ламот оставила у себя, потому что оно могло стать основанием для ее богатства, а ей это было очень нужно, без него она просто не могла бы существовать.

Она думала, что успеет скрыться из Франции в нужный момент и что, во всяком случае, Мария Антуанетта не даст разыграться этому делу, которое грозило и для нее огромным скандалом.

Но скрыться Жанна де Ламот не успела, а Мария Антуанетта не побоялась скандала...

Госпожу де Ламот судили, приговорили к публичному наказанию на эшафоте. Она была наказана и палач наложил на нее позорное клеймо, но потом ей удалось бежать из тюрьмы, где ее должны были заточить на всю жизнь, и поселиться в Лондоне. Однако и там враги не оставили ее своими преследованиями.

Правда, она успела написать и напечатать свои мемуары о Марии Антуанетте, в которых не пощадила несчастной королевы. И за это убийцы, подсланные французскими дворянами, несколько раз покушались на ее жизнь...

Дело дошло до того, что Жанна де Ламот должна была спасаться только тем, что вынуждена была выпрыгнуть в окно.

После этого она поддалась на уговоры одной русской княгини, с которой подружилась в Лондоне, и потихоньку исчезла, выехав с нею в Крым, но предварительно распуслав слухи о своей мнимой смерти.

И с тех пор она жила с княгиней только в Крыму; та старалась окружить ее всевозможными заботами и попечениями, и ни за что не соглашалась никуда уезжать, не представляя даже возможности, чтобы где-нибудь могло быть лучше, чем в Крыму!..

Много воды утекло и множество событий произошло. Во Франции отпраздновала свой кровавый пир революция. Мария Антуанетта и ее супруг, король Людовик Шестнадцатый, погибли, и деспотизм Республики увенчался деспотией Наполеона, возвышению которого не могла не завидовать госпожа де Ламот, так как вся ее жизнь была одним сплошным падением.

Все изменилось во Франции, но Жанна не могла вернуться туда, будучи клейменной палачом, и должна была продолжать довольствоваться жизнью на прекрасном, но диком берегу Крыма и ездой на лошади по его горам...

И у нее не было ни копейки собственных денег, она во всем зависела от княгини, а между тем она могла бы обладать богатством, которое составляло цену ожерелья. Она считала, что выстрадала это свое богатство и купила его ценой своей жизни и собственного позора; и, действительно, оно могло бы быть в ее руках, если бы не обстоятельства, причиной которых была глупость ее пособников...

В то время, когда в Париже разыгрывалось судилище над нею из-за ожерелья, оно уже было отослано ею в Амстердам с верным ей человеком, который смог продать его, а вырученные за него деньги укрыв в надежном месте. Последним был потайной подвал на небольшой мызе, купленной специально с целью спрятать там на время это ее богатство.

Когда Жанна освободилась из тюрьмы и, бежав в Лондон, надумала воспользоваться спрятанными там деньгами, оказалось, что ее верный человек умер, а мыза вместе с тайником была куплена аббатом Жоржелем, секретарем кардинала де Рогана, и находилась в его полном владении, а для Жанны де Ламот деньги окончательно пропали...

Однако же она надеялась, что рано или поздно, но они вернутся к ней...

В Лондоне она вступила в тайное общество «Восстановления прав обездоленных», открыв этому обществу тайну подвала на мызе аббата Жоржеля, впоследствии кардинала Аджиери. И ей было обещано, что если не все деньги, то большая их часть не минует ее рук, нужно лишь подождать смерти больного кардинала Аджиери.

И Жанна ждала, ждала долгие годы. Наконец, наступила эта долгожданная смерть кардинала Аджиери; но общество «Восстановления прав обездоленных» ничего не могло сделать, потому что, очевидно, слишком уж неумело повело дело, и мыза вместе со всем состоянием, которое Жанна де Ламот уже считала своим, перешла во владение к незаконному сыну аббата Жоржеля, он же кардинал Аджиери, которому он официально завещал все свое имущество...

Как члены общества выпустили из рук этого наследника, за которым они следили, она не могла хорошенько понять, но факт был налицо: сын аббата завладел состоянием, а она, одинокая, должна была доживать свой век в диком Крыму...

Глава IX

Наследник кардинала Аджиери

А между тем дело обстояло так... В Петербурге как-то вдруг неожиданно объявился Александр Николаевич Николаев, или Саша Николаич, как называли его приятели, и несмотря на то, что никто не знал его происхождения, стал вращаться в лучшем обществе столицы. Его положению в обществе много содействовало то, что по паспорту он был дворянином, что он вел, хотя и скромную, но в то же время барскую жизнь, что он отличался светскими манерами, и, главное, обладал, по-видимому, большими средствами.

Однако относительно последнего обстоятельства знакомые Саши Николаича жестоко ошибались. Состояния у него тогда не было никакого. Правда, скончавшийся в Париже воспитатель Саши Николаича перед смертью передал ему двадцать тысяч франков, но Николаев истратил их на приобретение обстановки в Петербурге, куда он переехал после смерти своего воспитателя из Парижа. Кроме того, воспитатель Саши перед смертью передал ему пакет, в котором лежало указание одному из петербургских банкиров, и последний стал выплачивать Саше Николаичу ежемесячно тысячу рублей. Эти деньги по тому времени были огромными и служили Саше Николаичу единственным ресурсом к жизни.

Впрочем, эти ежемесячные поступления были столь же непрочны, сколь и таинственны. Саша Николаич не знал, от кого именно и на каком основании он получал эту тысячную ренту, банкир лишь выплачивал ему деньги, но не мог сообщить ему лица, по чьему приказу он это делает. И вдруг этот источник исчез. Саша Николаич получил извещение банкира, в котором последний сообщал, что дальнейшая выдача ему денег прекращается.

Это обстоятельство сразу же изменило образ жизни Саши Николаича. Ему пришлось распродать всю свою обстановку и лошадей, отпустить прислугу, из своей роскошной барской квартиры перебраться жить в комнатуху в доме захудалого чиновника Беспалова.

Все знакомые и великосветские приятели Саши Николаича, как это водится, тут же отвернулись от него.

Оставшись совершенно одиноким, Николаев не очень-то унывал и стал искать себе средства к жизни работой, но места для него не находилось.

И тут судьба столкнула его с одним из членов общества «Восстановления прав обездоленных», назвавшим себя Агапитом Абрамовичем Крыжицким. Таинственное общество, по-видимому, было заинтересовано в Саше Николаиче, следило за ним и было уже осведомлено о перемене жизненных обстоятельств молодого человека, потому что Крыжицкий сам обратился к Саше Николаичу с предложением денег за «некоторые услуги». Николаеву показалась двусмысленной и подозрительной подобная формулировка этого предложения, и он с гордостью его отверг.

Между тем время шло. Саша Николаич успел позабыть своих коварных друзей, среди которых особенно больно обидел и ущемил его самолюбие вроде бы лучший друг – граф Савищев... Константин Савищев резко прекратил с ним знакомство тотчас же после того, как Саша Николаич сообщил ему о печальном факте своего банкротства. Николаев стал уже привыкать к обстановке, в которую его забросила судьба, и к людям, с которыми она его столкнула, когда случились обстоятельства, сильно отразившиеся на его судьбе.

Саша Николаич полюбил. В убогом доме чиновника Беспалова он встретил девушку, с первой же встречи покорившую его сердце. Это была Мария Беспалова, дочь или же воспитанница квартирохозяина Саши Николаича, которую Беспалов только выдавал за свою дочь.

Маня Беспалова весьма благожелательно относилась к чувству Саши Николаича и даже сперва поощряла молодого человека, но, когда он ей признался, что у него почти нет ника-

ких средств к жизни, резко к нему изменилась и стала сторониться его. Тогда Саша Николаич решил обратиться к Крыжицкому, тем более, что его натолкнула на эту мысль Маня Беспалова, так боготворимая им.

Как-то Николаев отправился к Крыжицкому, но его визит закончился тем, что он выдал на имя Андрея Львовича Сулимы расписку, согласно которой он обязывался предоставить последнему «половину принадлежащего ему наследства. . .» Саша Николаич в то время и не помышлял ни о каком наследстве, и ему, конечно, ничего не стоило выдать подобную расписку на чье бы то ни было имя; он даже не особенно настаивал на выяснении того, кто был этот Андрей Львович Сулима и удовольствовался только туманным намеком на то, что таким путем в будущем он обеспечивает себе богатое наследство.

Андрей же Львович Сулима был Белым Петербургского отделения общества «Восстановления прав обездоленных», то есть его председателем.

Глава X

Мнимая графиня Савищева

Охотясь за будущим наследством Саши Николаича, члены общества «Восстановления прав обездоленных» наткнулись еще на одно наследство, которое могло бы быть спорным, и обратившее на себя их жадные взоры. То было наследство самого графа Савищева. Последний обладал громадным состоянием, которое он нажил не совсем честным путем и оставил своим законным наследникам – своей жене Анне Петровне и сыну Константину Савищеву, приятелю Саши Николаича. Кроме них, у покойного графа Савищева других родственников не оставалось.

Младший брат покойного графа Савищева запутался в долгах и, желая их поправить, выдал туркам важные государственные документы, был обвинен в государственной измене и, будучи лишенным чинов и орденов, был сослан и исчез без вести.

Его жена, потрясенная столь тяжким несчастьем, преждевременно разрешилась от бремени девочкой и умерла при родах. Таким образом, новорожденная дочь графа Савищева-младшего с первого же дня появления на свет оказалась круглой сиротой. Ее дядя, граф Савищев-старший, и слышать не захотел о дочери своего опозоренного брата, и девочку отдали в воспитательный дом, где она и затерялась среди тысячи таких же обездоленных, зачастую записанных под одним и тем же именем. Точно так же, под именем Марии, была записана и дочь Савищева-младшего. Все это было известно членам общества, и они задумали оттягать состояние у настоящих неоспоримых наследников графа Савищева-старшего в пользу его племянницы, заменив ее подставным лицом.

Вскоре нашлось также и такое лицо. Крыжицкий выслеживал Сашу Николаича, познакомился с его окружением и, узнав, что Беспалов взял свою воспитанницу Марию из воспитательного дома, сопоставил ее возраст с датой рождения Савищевой-младшей и сразу же решил, что эта девушка вполне может пригодиться для выполнения их преступного плана, тем более, что она и крещена была тем же именем, как и несчастная дочь Савищева-младшего. Привлечь Маню Беспалову к содействию этим замыслам общества «Восстановления прав обездоленных» было совсем не трудно, так как она была девушкой довольно легкомысленной и во что бы то ни стало стремилась выбиться из полной нищеты и зажить в роскоши и довольстве. Гораздо труднее было устранить от владения имуществом графа Савищева и его законных наследников.

Но и это не затруднило находчивых искателей чужих наследств. Крыжицкому удалось обманым путем добыть метрическое свидетельство графини Анны Петровны Савищевой, и на нем была произведена подчистка года рождения графини Анны Петровны, а Сулима – Белый – с помощью консistorского чиновника сумел обработать метрические книги так, что, по их данным, в указанное число никаких записей о графине Савищевой, урожденной Дюплон, не оказалось. Вот таким образом графиня Савищева и оказалась мнимой графиней, а ее сын Константин Савищев – без роду-племени, и наследство графа Савищева-старшего, которым они владели якобы не как законные наследники, должно было перейти в пользу его племянницы Марии, ставшей его единственной наследницей.

Когда Андрей Львович Сулима явился в дом Беспалова и развернул перед Марией-воспитанницей блестящие перспективы роскошной жизни, то без труда уговорил ее переехать к нему и начать дело о мнимом наследстве.

Глава XI Мыза в Голландии

Саша Николаич, узнав о вероломном поступке любимой девушки, впал в совершеннейшее отчаяние. Но ему не пришлось долго пребывать в таком состоянии. В тот же день, когда Маня Беспалова переехала к Сулиме, к Николаеву явился ее брат Орест – пьяница и мот, под разными предложениями выжимавший из жилыца своего отца мелкие суммы на выпивку, и конфиденциально сообщил Николаеву, что он в своем излюбленном трактире случайно встретился с приезжим французом, прибывшим в Петербург искать Александра Николаевича Николаева.

Молодой человек с недоверием отнесся к словам Ореста, но все же согласился на встречу с французом.

При первой же встрече Саши Николаича с Тиссонье, так звали француза, последний рассказал ему, что он, Саша Николаич, – сын кардинала Аджиери и одной русской графини и что тот при своем духовном сане не мог его держать при себе. По этой причине он сперва отослал его в Париж, потом в Россию, и что именно он поддерживал Сашу Николаича до сих пор ежемесячной рентой и что теперь эта рента прекратилась, потому что кардинал умер, но что он, Тиссонье, состоит душеприказчиком кардинала и приехал за Сашей Николаичем с целью увезти его в Голландию. Там и находилась завещанная ему кардиналом небольшая мыза.

Это имение было оставлено Николаеву по официальному завещанию, но кроме того Тиссонье объявил Саше Николаичу, что на этой мызе в тайнике хранится огромная сумма денег, которую он должен был тайным образом передать Саше Николаичу.

Молодой человек тотчас собрался и вместе с Тиссонье и увязавшимся вслед за ними Орестом выехал в Германию и далее в Голландию.

После того как Николаев вступил во владение мызой, Тиссонье действительно указал ему тайник, представлявший собой тщательно скрытый подвал, который имел сообщение с кабинетом мызы.

В этом подвале Саша Николаич нашел огромный сундук, наполненный золотом, драгоценностями и английскими процентными бумагами.

Между тем Сулима тоже не дремал. Заполучив расписку Саши Николаича в предоставлении ему половины его наследства в собственность, тотчас же отправил Крыжицкого в Крым, где последний должен был сообщить Жанне де Ламот о благополучном окончании дела о наследстве Саши Николаича, которое, собственно, и связало Жанну де Ламот с обществом «Восстановления прав обездоленных». Однако, едва успев отъехать из Петербурга, Крыжицкий, как и другой член того же общества – Кювье, случайно столкнулся с французом Тиссонье в день приезда того в Санкт-Петербург из Франции, и словоохотливый француз тотчас же рассказал ему о цели своего приезда в Россию. Узнав о том, что наследство состоит из одной только мызы (о спрятанных в ней сокровищах Тиссонье, конечно же, умолчал), Кювье понял, что члены его общества, что называется, опростоволосились.

Мыза представляла собой столь ничтожное имущество, что о половинной доле его даже не стоило хлопотать.

Кювье тут же поспешил с этой печальной новостью к Белому, и Сулима приказал ему немедленно выехать вслед за Крыжицким и остановить того на пути в Крым. Однако Кювье этого сделать не удалось, и он прибыл в Крым к Жанне де Ламот всего через несколько часов после прибытия туда Крыжицкого. Жанна де Ламот уже успела узнать от Крыжицкого, что членам их общества удалось заручиться распиской Николаева, согласно которой половина состояния кардинала Аджиери переходила в их собственность, от чего пришла в неопи-
сую-

мое бешенство, и его усугубило известие, присланное вослед Крыжицкому Кювье, второго посланца Белого.

Печальные вести эти, доставленные Жанне де Ламот Кювье, вызвали у нее припадок гнева, но отнюдь не сломили ее энергии. Она-то была твердо уверена, что кардинал Аджиери оставил после себя огромное состояние, в числе которого должна была находиться и сумма, вырученная за украденное ею, Жанной де Ламот, ожерелье, которое кардинал де Роган в свое время послал в подарок королеве Марии Антуанетте. Она была убеждена, что если кардинал не передал этого состояния своему наследнику явно, то он должен был сделать это тайно!

И тут ей пришла в голову мысль, что сокровища кардинала хранятся в тайнике на его мызе в Голландии, и она, не задумываясь, приказала Крыжицкому и Кювье отправляться в Голландию и на свой страх и риск во что бы то ни стало раздобыть эти сокровища.

Крыжицкий и Кювье отправились морем. Крыжицкого в этой поездке сопровождала его любовница-турчанка и евнух, постоянно стороживший ее. В то же время этот евнух, будучи тайно подосланным к Крыжицкому Сулимой, был шпионом последнего. В дороге к ним присоединился еще и старый турок Али, который ранее был знаком с Крыжицким, когда тот носил имя Симеона Ассемани. У Али с Крыжицким были старые счеты. Как тот, так и другой принадлежали к секте фанатиков-ассасинов, но только Крыжицкий изменил ей, и Али теперь последовал за ним, чтобы наказать его по поручению руководителя этой секты за его вероломную измену.

Конечно, Али скрыл от Крыжицкого свои действительные намерения и изъявил свою готовность помочь тому в погоне за наследством Саша Николаича.

Али прибыл в Голландию отдельно от своих единомышленников и поступил на мызу Александра Николаевича садовником.

Немного спустя туда же явился и Крыжицкий, и его план там был близок к осуществлению, когда совершенно ничтожное обстоятельство разрушило его планы.

Беспутный Орест, отыскивая любым способом деньги для пьянства, украл у турка Али его священные амулеты, свидетельствовавшие о его высоком положении в секте среди его собратьев. Орест, предположив, что они золотые, отправился их пропивать.

Судьбе оказалось угодно, чтобы в том же трактире, где Орест пытался сбыть эти амулеты за столь любимую им живительную влагу, из-за ненастной погоды остановился и Крыжицкий, навещавший Сашу Николаича. Он тотчас же признал эти амулеты Али и купил их у Ореста.

На следующий день во время бурного объяснения между Али и Крыжицким первый заметил свои амулеты в руках у Крыжицкого и, предполагая, что тот украл их с целью воспользоваться среди ассасинов силой и авторитетом этих амулетов, пришел в неопикуемый гнев и полоснул по горлу Крыжицкого отравленным кинжалом. Рана эта была для того смертельной, но и сам Али в борьбе этим же кинжалом случайно задел себя, и пустяковая царапина оказалась смертельной и для него.

Так Николаев избавился от двух своих преследователей. Третий же, Кювье, прибыв в Голландию, заболел, так и не встав больше на ноги. Перед смертью он призвал к себе Сашу Николаича, покаялся перед ним, раскрыв, что он вовсе не француз Кювье, а исчезнувший без следа граф Савищев-младший, и просил Николаева передать от его имени пакет его дочери, если ему, конечно, удастся отыскать ее.

Таким образом, распоряжения Жанны де Ламот оказались не исполненными.

Однако приезд Крыжицкого в Голландию не прошел совсем бесследно для Саша Николаича, так как тому удалось заронить в душу молодого человека искру сомнения относительно чистоты происхождения денег кардинала Аджиери. Николаев не хотел верить Крыжицкому, и последний обещал ему подтвердить свои слова документами, однако внезапная смерть этому помешала.

Чтобы рассеять свои сомнения и исполнить волю умирающего Кювье, Саша Николаич снова вернулся в Петербург.

Глава XII

Дивная встреча

Вернувшись в Петербург, Саша Николаич прежде всего навестил тех из своих друзей, которые и в дни несчастий оставались верными ему и тепло отнеслись к нему в горе. Таких было немного, но тем дороже было их участие. Веселый приятель Николаева Лека Дабич и милая молодая девушка Наденька Заозерская, племянница фрейлины императрицы баронессы Пильц фон Пфиль, не отвернулись от него, и теперь Саша Николаич прежде всего поехал к ним.

От них он узнал о катастрофе, постигшей графиню Савищеву и ее сына, узнал, что графиня просто бедствует, а некогда блестящий граф Савищев, потеряв титул и состояние, опустился на самое дно.

Николаев считал своим долгом навестить графиню Анну Петровну. Во время этого визита графиня заговорила с ним о том, что, очень сильно нуждаясь, она хотела бы продать один ценный исторический автограф.

Искренне желая помочь бедной женщине и стесняясь предложить ей помощь просто так, Саша Николаич тут же решил, что купит у нее этот автограф, и попросил его показать ему.

Графиня Анна Петровна со взволнованным видом достала вчетверо сложенную пожелтевшую бумагу, и по тому благоговению, с которым она ее развертывала, было видно, как дорог ей этот документ.

Каково же было удивление Саши Николаича, когда он увидел, что этот документ не что иное, как собственноручное письмо Рогана к кардиналу Аджиери, как раз касавшееся злополучных денег, в присвоении которых обвиняли покойного кардинала. Это письмо совершенно реабилитировало кардинала Аджиери, так как свидетельствовало о том, что де Роган расплатился за ожерелье своими собственными средствами, а эти деньги, в знак благодарности за долголетнюю службу, подарил кардиналу Аджиери.

Он со слезами радости на глазах спросил, откуда у нее это письмо. Графиня созналась, и тут Николаев узнал, что Савищева – та самая русская графиня, о которой ему рассказывал Тиссонье, то есть его, Саши Николаича, мать.

Минуты радостного свидания были несколько омрачены. Графиня Савищева после долгой разлуки нашла своего сына, но в тот же день потеряла другого. Судьба коварно подшутила над ней. В то время как она ласкала Сашу Николаича, граф Константин Савищев, будучи не в силах перенести свое бедственное положение и позор, бросился с моста в Неву и исчез в ее волнах. Народ сбегался, но на поверхности воды уже не было человека. Так и исчез бедный граф; не нашли даже его труп.

Саша Николаич нашел свою мать, но окончательно потерял любимую девушку. Андрей Львович Сулима открыл Мане Беспаловой, что он – не тот, кем его называют, а дук дель Асидо, князь Сан-Мартино, что он любит ее и предлагает ей руку свою и сердце. Маня, прельстившись таким блестящим именем, согласилась выйти за него замуж.

Свадьба должна была состояться за границей. Однако Маня уехала туда одна, и тотчас же после ее отъезда в доме Сулимы произошел пожар, дом сгорел дотла, не удалось спасти ничего из обстановки и даже самого владельца дома, который в то время спал. Только после пожара под развалинами дома удалось найти обуглившиеся останки Сулимы...

Глава XIII

Решение

Вот так обстояли дела в тот момент, когда мы застаем Жанну де Ламот в Крыму, над морем, за тяжкими думами о неудачной до сих пор погоне за наследством Саши Николаича. Долго она еще стояла со скрещенными руками на груди и оглядывала простор моря, широко открывавшийся ей с высоты, на которой она находилась.

Это море было так же пустынно, как и окружающие его скалы: ни паруса, ни единой чайки не виднелось на нем...

Жанна стояла лицом к нему, и голубая ширь его так же далеко расстилалась перед нею, как позади нее тянулось бесконечное сухопутное море степей. Нужно было так или иначе миновать это пространство степи, чтобы попасть в то место, где бурлила городская, так манившая Жанну своими прелестями жизнь...

Человек, который владел, как она считала, всем ее состоянием, жил в Петербурге, и ей нужно было отправиться туда, чтобы отнять у него «свою» собственность...

Конечно, добровольно он ее не отдаст, придется побороться с ним, но Жанна слишком привыкла к борьбе, чтобы испугаться такого врага, как какой-то незаконный сын французского аббата. Она его считала своим врагом, потому что сама готова была сделать ему любое, даже самое дикое зло, чтобы заполучить деньги. Но разве с такими людьми и с такими врагами мерилась она силами в своей жизни, она, которая враждовала с самой венценосной Марией Антуанеттой?!

Ей нужны были эти деньги как средство для развертывания настоящей деятельности, на которую она считала себя вполне способной.

Судьба Наполеона не давала ей покоя и соблазняла своим счастьем. Почему ему удавалось все до сих пор, а ей ничего?!

«Потому что, – думала Жанна, глядя в далекий морской простор, – что он смел, а я даром теряю время в нерешительности...»

И она вдруг круто повернулась и пронзительно свистнула. Лошадь, забежавшая довольно далеко, услышала этот свист и подлетела к Жанне; та вскочила в седло, и быстрой иноходью ее лошадь направилась по знакомым горным тропинкам...

Ее дом был не особенно далеко, но этот переезд показался Жанне необыкновенно долгим... Где только было возможно, Жанна пускала лошадь во весь опор и осадил ее, всю взмыленную, только у самого крыльца.

Жанна спрыгнула, бросила поводья, и поспешно прошла через анфиладу комнат на балкон, где княгиня разбирала груды цветов, составляя из них букет в стоявшую перед нею вазу.

– Что это ты пропадала так долго? – встретила она Жанну, бегло и отчетливо выговаривая французские слова. – И что с тобой? – сейчас же спросила она, мельком взглянув на Жанну.

Та остановилась, оперлась резким, решительным, чисто мужским движением о стол и, в упор посмотрев на княгиню, произнесла с расстановкой:

– Я не могу больше так жить здесь. Я просто должна отправиться в Петербург.

Княгиня развела руки, уронив и рассыпав цветы.

– Как в Петербург?! – переспросила она. – Разве тебе здесь не хорошо?

– Дело не в том, что мне здесь хорошо или дурно; но для меня настало время действовать.

Я должна прекратить свое сидение здесь сложа руки...

– Жанна, Жанна! – со вздохом покачала головой княгиня.

– Мне нужно ехать! – настойчиво произнесла Жанна.

– Но постой же, погоди! Надо же обсудить возможность этого! Одну я тебя не могу отпустить в такое путешествие...

– Я могу ехать и одна.

– Нет уж, во всяком случае мы туда отправимся вместе. Об этом и говорить нечего. . . Но надо же собраться. . . Как же ты хочешь все вот так вдруг... Надо решить хотя бы денежный вопрос...

– Пустяки!.. Трать последнее, что есть у тебя... Там, в Петербурге, я отдам тебе... отдам... там мы получим такие деньги, что хватит нам и оплатить переезд туда, да и чтобы ехать дальше, в Париж или Лондон, как мы только захотим...

Княгиня смотрела на Жанну с каким-то даже испугом.

– Ты думаешь, я сошла с ума? – продолжала та. Будь покойна, никогда мои умственные способности не были в таком порядке, как сейчас. Слушай, я решила во что бы то ни стало получить мои деньги сама... Напрасно я надеялась на членов общества «Восстановления прав обездоленных», они ничего не сделали. Мои деньги перешли к одному русскому, незаконному сыну аббата Жоржеля и русской графини. Мне нужно найти его в Петербурге и, чего бы это мне ни стоило, вырвать у него эти мои деньги. Я так решила!..

Княгиня противоречила и сопротивлялась недолго. Она по природе своей была слишком мягка, чтобы оказать серьезное сопротивление всепокрушающей энергии Жанны: та всегда брала верх над нею...

И уже на другой день на маленьком крымском дворике, мирно жившем до этого на побережье Черного моря, поднялась возня и суета по случаю внезапного отъезда в Петербург. Путешествие предстояло длительное и нелегкое, и поэтому сборы требовались немалые...

Но для Жанны, казалось, не существовало ничего невозможного. Она сама съездила верхом в Бахчисарай и нашла там весьма приличную дорожную карету, которая продавалась по случаю, после скоропостижной смерти приехавшего на ней в Крым из Петербурга ревизора. Словом, не успели все, в том числе и княгиня, осмотреться, как они обе уже сидели в этой уютной, купленной Жанной карете, и всю катили, вздымая пыль, по столбовой Екатерининской дороге в далекую северную столицу.

Глава XIV

Тайна молитвенника

С покупкой молитвенника произошло все именно так, как предсказывал Орест. Он отправился на переторжку, не встретил там конкурента и купил молитвенник всего за три рубля, то есть он ему обошелся всего в сто три рубля. Эта сумма была довольно крупной, но все же ничтожной в сравнении с тысячей восьмистами двадцатью пятью рублями, и Саша Николаич даже был рад, что отделался сравнительно дешево.

Орест, совершенно трезвый, принес книгу Николаеву и на этот раз говорил с ним очень серьезно и не через окно, а вступив в его кабинет на правах полноправного гражданина.

– Позвольте вручить вам, драгоценный гидальго, – заявил он Саше Николаичу, – вашу семейную реликвию в полной неприкосновенности... Вместе с тем, я приношу тысячу извинений, что стал невольной причиной исчезновения этой книги! Но в таком случае вы, главным образом, должны пенять на самого себя и собственную вашу суровость по отношению ко мне. Однако твердость вашего характера насочила на мою изобретательность...

– Да полно вам молоть вздор! – остановил его Саша Николаич. – Ну, принесли молитвенник, и я очень рад этому!.. Надо скорее позвать господина Тиссонье и отдать ему молитвенник...

Орест, развалившись в кресле, положил ногу на ногу и, серьезно подумав, заявил:

– Совершенно согласен с вами и уже заранее вижу ту радость, с которой почтенный француз примет этот молитвенник; он будет счастлив, а я, бедный, останусь в полном огорчении!.. – и Орест, глубоко вздохнув, опустил голову.

– Почему же в огорчении? – спросил Саша Николаич.

– Потому что с утра не имел во рту ничего, кроме зубной щетки.

– Вы опять пить?!

– Гидальго!.. Это слово «пить» мне не нравится совершенно!.. И потом, уверяю вас, что нынче в высшем обществе принято пить водку; я могу это доказать моим знакомством с господином Люсли...

– С кем, с кем? – переспросил Саша Николаич.

– С господином Люсли... с тем самым, с которым мы на торгу набавляли цену на молитвенник, а потом он не побрезговал в своей колеснице отвезти меня в трактир. Вы вот этого для меня не делаете, гидальго!..

– Вы говорите, его зовут Люсли? – снова спросил Саша Николаич. – Вы точно помните, что его называли именно так?

– Если вы сомневаетесь, могу вам принести самую страшную клятву. – Орест высоко воздел руку и торжественно произнес: – Высохни на земле вся водка!..

– Да бросьте! – опять остановил его Саша Николаич. – Как имя и отчество этого господина?

Орест стал припоминать.

– Видите ли, великолепный гидальго, – убедительно проговорил он, – надо отдать мне полную справедливость, я был в уже известном градусе, когда поближе познакомился с этим господином; поэтому мне непременно надо выпить три рюмки. Велите подать их мне, и я сейчас же вспомню!

– Орест! – серьезно сказал Саша Николаич. – Я вам уже раз и навсегда сказал, что у меня в доме вы водки не получите...

Орест развел руками:

– Твердость вашего характера напоминает скалу. Но, может быть, пару рюмок разрешите?..

– Ни одной!..

– Делать нечего, приходится припоминать и без водки!.. Его звали, если я не ошибаюсь, Иван Михайлович...

– Иван Михайлович Люсли?! А каков он собой?

– Рыжий, с большими темными очками, строго говоря, как выражаются в салонах, в общем, такая морда, что так и хочется плюнуть в нее...

– Странное совпадение! – продолжал Саша Николаич.

– Что вы в этом находите странного?

– То, что человека, который воспитывал меня в Париже и на попечении которого я рос, звали тоже Иван Михайлович Люсли.

Орест прищурился и покачал головой.

– Нет, мой джентльмен по годам как будто бы не годится вам в воспитатели.

– Да он им и быть не может, потому что мой воспитатель умер!

– Царство ему небесное! – вздохнул Орест.

– Вы знаете, где живет этот господин?

– Вот этого я не знаю! – пожал плечами Орест. – Признаюсь больше: он меня спрашивал, где мое местопребывание, я же осведомиться у него о том совершенно не догадался!

– Очевидно, это совершенно случайное совпадение! – рассудил, наконец, Саша Николаич. – И все-таки мне бы очень хотелось повидать этого господина.

– Он, верно, объявится еще! – успокоил его Орест.

– Почему вы так думаете?

– Да потому, что его крайне интересует этот молитвенник, и, очевидно, он еще наведется, чтобы справиться о нем.

– Я никак не ожидал, – признался Саша Николаич, рассматривая молитвенник, – что это такая редкая и ценная книга.

– Вообще я не понимаю, – даже обиделся Орест, – как это можно платить за самую редкую книгу такие большие деньги!..

В это время в комнату вошел старик – француз Тиссонье, человек очень почтенной наружности, одетый во все черное.

– Я слышал, – заговорил он, – что вы принесли назад мой молитвенник?

– Да, да! – подтвердил Саша Николаич. – Вот он! Возьмите его!

Тиссонье быстро схватил книжку и, тщательно осмотрев ее со всех сторон, как бы желая вполне убедиться, та ли эта самая книга, произнес:

– Да, это она!

– А вы знаете толк в книгах? – спросил у него Саша Николаич.

– Я несколько по привычке обращаюсь с ними в библиотеке монсеньора кардинала...

– Так что вы должны знать, что этот молитвенник – библиографическая редкость?

– Помилуйте! – улыбнулся Тиссонье. – Таких экземпляров довольно много и они никакой библиографической ценности не имеют!

– Вот и верьте после этого ученым! – пожимая плечами, вставил свою реплику Орест. – Один хочет заплатить за эту книгу тысячу восемьсот рублей, а другой говорит, что она ничего не стоит! И выходит, только и справедливо, что правда – только на самом дне стакана...

– Однако, – обратился Саша Николаич к Тиссонье, – за этот молитвенник только что давали тысячу восемьсот рублей...

– А, вот оно что! – протянул Тиссонье. – Теперь я понимаю, монсеньор мне перед смертью наказал хранить этот молитвенник и не отдавать его никому, ни за какие деньги, кроме одного лица, точные приметы которого он мне определил...

– Какие же это приметы?

– Я не имею права говорить это даже вам. Я, признаюсь, думал, что слова монсеньора относительно денег за молитвенник были, так сказать, лишь способом выражения, но теперь я смог убедиться в их полной справедливости, если за эту книгу давали такие бешеные деньги...

– Что же в ней такое? – с живейшим любопытством спросил Саша Николаич.

– Этого мне монсеньор не открыл! – с почтительным поклоном ответил ему Тиссонье.

Разговор заключил Орест, который встал со своего места и резюмировал все ими сказанное так:

– Чем больше я живу на свете, тем больше мне хочется пить водки!..

Глава XV Заседание

В четверг, в назначенный Иваном Михайловичем Люсли час сошлись в указанном месте семь человек на заседание под председательством седовласого старца в черной шапочке.

Комната, в которой они собрались, была невысокой, со сводами. Ее окна выходили в сад, стены были выкрашены белой клеевой краской. Посередине ее стоял стол и семь стульев, кресло. Другой мебели в комнате не было.

Приглашенные входили каждый с кокардой своего цвета, вдетой в петлицу, почтительно раскланиваясь с сидевшим в кресле стариком, у которого была белая кокарда, занимали свои места вокруг стола.

Последним в комнату вошел высокий плечистый черноголовый Борянский, развязностью своей походки и свободой манер сразу нарушивший чинность этого собрания. Желтой кокарды не было в его петлице. Он вошел боком, не то поклонился, не то оглядел присутствующих, рассевшихся вокруг стола, и проговорил, ни к кому не обращаясь: «Привет честной компании!», сел за стол и положил на него локти.

Все переглянулись между собой, пораженные таким поведением нового сочлена, и оглянулись на старика, который не спускал взора с Борянского и пристально смотрел на него, чуть улыбаясь одними губами.

– Ты забыл, – сказал он, – надеть отличительный знак твоего цвета!

– Однако Белый отлично говорит по-русски! – шепнул Соломбин, у которого красная кокарда криво сидела в петлице.

– Будет вам бирюльками-то заниматься! – просто и громко проговорил Борянский. – Я к вам пришел сюда по делу, так и будем рассуждать о деле!

– Ты пришел сюда, чтобы повиноваться мне! – тихо произнес Белый.

Борянский удивленно вскинул на него взор и вдруг рассмеялся.

– Ну, уж это, знаете ли, не того! Этого у вас со мной не выйдет!

Все присутствующие, видимо, были поражены тем, как держал себя Борянский. И только Белый сохранял полное спокойствие.

– И ты будешь повиноваться мне! – с улыбкой сказал он опять.

Это было сказано так, что даже Борянский в первый момент опешил и с удивлением взглянул на старика.

– Седьмого мая 1801 года, – чуть внятно выговорил тот, едва шевеля одними только губами.

Никто не понял, что означало это число, но Борянский вдруг весь вспыхнул, потом кровь быстро отлила от его лица, и он побледнел, как мел.

– Вот тебе желтая кокарда, надень ее! – приказал старик Борянскому, бросив ему через стол кокарду, и тот покорно взял ее, нацепил в петлицу.

Все переглянулись, на этот раз как бы сказав друг другу, что ими распоряжается настоящий Белый.

– Для первого заседания, – начала Белый, – я сообщу вам о двух делах, или, вернее, о двух задачах, которые нам предстоит решить.

Первая относится к Александру Николаевичу Николаеву, получившему наследство кардинала Аджиери. Дело в том, что этот Николаев не знал своего отца, который был вынужден держать его вдали от себя из-за своего сана. Затем было учреждено тщательное наблюдение нашим обществом за ним, мы вступили в переговоры о наследстве, о котором Николаев не подозревал даже. Мы взяли с него расписку, что он в случае получения им наследства половину

его отдаст нам. Конечно, были приняты меры к тому, чтобы Николаев думал, что он получает наследство благодаря помощи лиц, взявших с него расписку. Все было обставлено безукоризненно.

Наше общество и в этом случае действовало, как всегда, наверняка и в первый раз в течение времени своего существования дало промах. Вы спросите, как это случилось? Как все могло случиться? Разве расписка не была действительна и Николаев уклонился от платежа? Нет, наоборот, Николаев не уклонился от платежа и внес нашему агенту всю причитающуюся с него сумму. Но дело в том, что эту сумму составляли сравнительные гроши, о которых не стоило и заботиться, потому что официально Николаев получил в наследство небольшую мызу в Голландии, стоившую очень недорого. Все состояние же, на которое мы рассчитывали, было спрятано в тайнике на мызе и не подлежало никакому учету, став для нас недостижимым.

Но наше общество слишком много затратило на это дело, чтобы примириться с таким положением, в которое оно благодаря этому попало, к тому же в первый раз. Если мы не получили половины состояния, перешедшего к Николаеву, то в вознаграждение за это мы должны будем получить его полностью. И теперь нам с вами предстоит конкретно обсудить это.

Старик замолчал. И не нашлось никого, кто смог бы ответить ему сразу.

– Если Николаев, – произнес после долгой паузы Борянский, – играет в карты или же хотя бы чувствует склонность к ним, то я берусь легко и скоро обделать это...

Старик покосился на него и, отвернувшись, недовольно проворчал:

– Нет, он в карты не играет.

– Я не могу предложить никакого плана, – сказал Люсли, – но заявляю лишь, что по совершенно особым причинам, известным нашему Белому, что бы общество ни решило сделать с Николаевым, я готов исполнить все.

– А нельзя ли привлечь его просто членом в наше общество? – предложил Соломбин.

– Чем же вы привлечете его? – спросил Люсли.

– Как это чем?.. Огромными доходами, которые он может получить, вложив свой капитал в наше общество. У него и без того достаточные доходы...

– Но он, как человек случайно разбогатевший, должен непременно желать большего.

Однако все почувствовали, что это предложение более чем слабо, и, казалось, Соломбин и сделал-то его только для того, чтобы не молчать, а сказать хоть что-нибудь.

После этого все замолчали окончательно...

– Теперь второе дело! – снова заговорил старик. – Оно заключается в наследстве маркиза де Турневиль и еще не вполне выяснено мною во всех подробностях, которые, впрочем, я считаю сообщить вам преждевременным. Скажу лишь по этому делу, что нам прежде всего нужно достать латинский молитвенник, переданный в Голландии маркизой Елизаветой де Турневиль кардиналу Аджиери, когда она, бежав из Франции во время террора, вынуждена была искать убежища за границей. Она боялась потерять этот молитвенник и потому дала его на сохранение кардиналу Аджиери. В этом молитвеннике находится указание места, где де Турневиль скрыл в Париже свои богатства, не имея возможности увезти их. Этот молитвенник сейчас находится у бывшего камердинера кардинала Тиссонье, который живет у того же Николаева.

– Однако! – заметил Соломбин. – Всюду Николаев!.. Неужели с ним одним не в состоянии будет бороться наше общество?

– Справимся! – уверенно заявил Люсли.

– Тем не менее, мы даже не пришли ни к какому плану действий и не знаем, что будем делать.

– Я скажу вам сейчас, что делать, – проговорил Белый. И когда все поглядели на него, внушительно произнес: – Слушаться меня!..

На этом совещание закончилось, и все стали расходиться.

Соломбин вышел вместе с Люсли и сказал ему уходя:

– С этим Белым у нас, кажется, дела пойдут!

Глава XVI

Новые приятели

Когда расходились после заседания, старик задержал Борянского, и тот с некоторой робостью остановился перед ним.

Странно было видеть, как этот огромный и мускулистый, обладающий атлетической силой человек скромно, даже робко стоял перед слабым, хилым, седым старичком.

Но этого никто не видел, потому что в комнате они остались одни. Борянский, сразу же приведенный старичком в повиновение указанием какого-то числа, таинственного седьмого мая 1801 года, видимо, боялся, оставшись наедине со стариком, что тот захочет продолжить разговор об этой дате. И он вздохнул свободнее, когда старик спросил его:

– Ты сможешь много пить?

Борянский только улыбнулся и ответил одним словом:

– Много!

– Вина или водки?

– И того, и другого.

– Хорошо. Тогда ступай в трактир на Моховой, называется «Веселый Ярослав»...

– Да ведь это заведение из мелкоразрядных, – брезгливо поморщился Борянский. – Я туда не хожу...

– Мне это все равно. Ты пойдешь туда и там завяжешь знакомство с неким Беспаловым, который там почти каждый день или пьет, или играет на бильярде. Затем, когда это будет сделано, получишь от меня другие, особые инструкции. Самое лучшее будет, если в «Веселый Ярослав» ты отправишься сейчас же.

Орест Беспалов, разумеется, ничего не подозревая, катал в своем излюбленном трактире шары на бильярде, не находя себе партнера, с кем бы стоило сыграть, как вдруг заметил перед собой огромного, плечистого господина с бриллиантовыми кольцами на пальцах.

Это был Борянский, поспешивший с точностью выполнить указание Белого.

Орест нацелил на него прищуренный глаз и решил, что это, должно быть, приехавший из провинции богатый помещик. Он чмокнул губами и, для того чтобы произвести впечатление на «помещика», раскатисто крикнул:

– Половой! Рюмку хлебного вина Беспалову!

Провозгласив это, он ударил кием по шару и всадил его в лузу так, что тот щелкнул наподобие пистолетного выстрела...

– Не угодно ли сыграть? – дрыгнув ногой, предложил «помещику» Беспалов.

Тот, зная уже, что имеет дело с Орестом Беспаловым, то есть именно с тем, с которым он должен был свести знакомство по приказанию Белого, ответил ему: «С удовольствием!» – взял себе кий, и игра началась...

Борянский, несмотря на то, что бильярд был совершенно не знаком ему, стал показывать такие чудеса игры, что Орест в первую минуту даже вытаращил на него глаза, но потом вдруг уложил кий по борту и протяжно свистнул:

– Нет, маэстро! Со мной это не пройдет!.. Вижу, что вы обладаете самыми сокровенными познаниями бильярдной игры, и до некоторой степени, маэстро, мы в ней тоже кое-что понимаем!

– То есть, позвольте, что именно? – с достоинством спросил Борянский.

– А вот что! – сказал Орест. – Вот этот маневр «подпихом» называется, а этот делается при помощи рукава... – и он на бильярде продемонстрировал несколько весьма ловких приемов, с помощью которых можно было выигрывать наверняка.

Борянский пустил с Орестом эти приемы просто из любви к искусству как виртуоз, великолепно изучивший свое дело.

Собственно, по профессии он главным образом орудовал картами, но не чужд был и бильярду, хотя давно уже не играл на нем, но сейчас он, как говорится, просто «попробовал руку»... Но опытный глаз Ореста сейчас же различил, в чем тут дело, и Борянский должен был убедиться, что наскочил тут на такого же доку, каким был и сам.

– А вот этот прием вы изволите знать? – увлекаясь своим искусством, спросил его Орест. – Вот если желтый стоит тут... – и он показал такой фортель, что Борянский не мог не ахнуть от удовольствия.

– Нет, это для меня новинка, – невольно вырвалось у него. Он уже больше не отрицал своего «искусства». – А знаете что, – предложил Оресту, – не хотите ли выпить вместе?

– Ну что за вопрос! – застенчиво отозвался Орест и еще застенчивее добавил: – В особенности, ежели за ваш счет!

Борянский велел подать им водки, и они поместились за отдельным столиком.

– Что мне нравится в вас! – продолжал разглагольствовать Орест, разглядывая Борянского. – Приемы физической силы! Вот я про себя скажу: у меня, так сказать, и игра ума, и мощь фантазии, а вот телосложением я слаб, то есть в смысле мускулатуры... А вы – положительный Буцефал...

– Буцефал – это лошадь была, – улыбнулся Борянский.

– Именно-с, я в этом смысле и изрек, ибо вы, так сказать, олицетворение лошади в мужском роде...

– Берегитесь, чтобы я, несмотря на всю вашу игру ума, не сравнил вас с ослом! – заметил ему Борянский, впрочем, добродушно рассмеявшись.

– А что ж, это недурно сказано! – похвалил Орест. – Во всяком случае, видно, что вы и за словом в карман не полезете! Ваше здоровье, маэстро!

И они чокнулись.

– Вы знаете, – стал говорить Борянский Оресту, – вы мне понравились!

– Не вам одним! – с апломбом заявил Орест. – У меня как-то врожденно, что я всем нравлюсь!

– Ну, да, да, разумеется! Так знаете что, чем нам прохладиться тут, в трактире, хотите попросту пойдете ко мне, и я вас дома угощу на славу!.. У меня такой коньяк есть!..

Орест приложил палец ко лбу в знак глубочайшего размышления.

Конечно, Борянскому удобнее было возиться с Орестом у себя дома, раз уж так необходимо, чем сидеть в трактире.

– Однако это нужно обсудить и взвесить! – сказал Орест. – С одной стороны, конечно, коньяк, а с другой... где вы живете?

– На Гороховой.

– Ну, вот видите... Значит, до вас еще добираться надо!.. А главное, из этого трактира я пьяный ощупью домой дорогу нахожу, а от вас куда я уйду?..

– А у меня вы можете остаться и заночевать! А коньяк такой, что, право, ради него стоит отправиться на Гороховую...

– Я всегда говорю, – вздохнул Орест, – что лаской со мной что угодно можно сделать! Одним словом, уговорили!.. Платите за истребованные нами запасы и – пойдете!

От Моховой на Гороховую был изрядный конец, но Борянский не взял извозчика, а пошел с Орестом пешком, не желая, чтобы кто-нибудь из знакомых встретил его едущим вместе с таким субъектом, как Орест. Идя же с ним вместе, он имел возможность при встрече с кем-нибудь из знакомых приотстать и сделать вид, будто гуляет совсем один.

С Моховой от церкви Симеона и Анны они свернули на Фонтанку.

Орест шел, насвистывая, мелкими шажками, но так быстро, что Борянский едва поспевал за ним, несмотря на размах своей геркулесовской походки.

– Куда это вы торопитесь так? – спросил он у Ореста.

Тот покрутил головой и, остановившись, сказал ему:

– Как это куда!.. К коньяку... И даже к вашему коньяку!..

Он остановился, но не потому, что Борянский окликнул его, а потому что они уже как раз были у крыльца барского дома, к которому подъезжала великолепная карета, запряженная четверней цугом, с фореитором.

Ливрейный лакей отворил дверцу, и из кареты вышла высокая, стройная женщина, такая красавица, что вместе с Орестом остановился и Борянский, невольно заглядевшись на нее.

Она прошла из кареты в подъезд совсем близко от них и, когда скрылась за затворившейся за нею дверью, Орест обернулся к Борянскому и с некоторым волнением заговорил:

– Вы знаете, кто это такая?.. А я с этой женщиной, можно сказать, рос вместе! Эта красавица – воспитанница титулярного советника Беспалова, у которого я имел счастье состоять в сыновьях...

Борянский подошел к карете и спросил у кучера фамилию его госпожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.